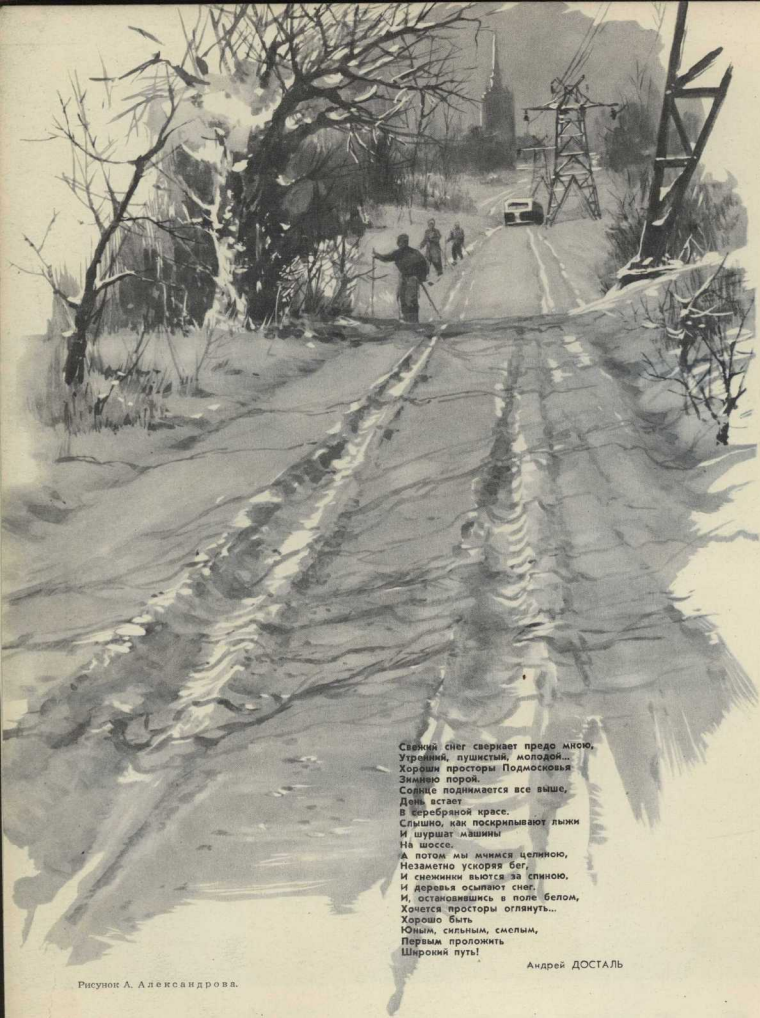

Цена номера
2 руб.

Свежий снег сверкает предо мною,
Утренняя, пушистая, молодая...
Хороши просторы Подмосковья
Зимнего порою.
Солнце поднимается все выше,
День, астаёт
В серебряной красе.
Слышно, как поскрипывают лыжи
И шуршат машины
На шоссе.
А потом мы мчимся целиною,
Незаметно ускоряя бег,
И снежным валом за спиною,
И деревья осыпают снег,
И, остановившись в поле белом,
Хочется просторы оглянуть...
Хорошо быть
Юным, сильным, смелым,
Первым проложить
Широкий путь!

Андрей ДОСТАЛЬ

Рисунок А. Александрова.

На первой странице обложки:
В горах Северного Кавказа. Фото В. Руби-
вича. На четвертой странице об-
ложки: Дорогой подарок. Фото Р. Лихач.

ГОРОД КОМСОМОЛЬСКОЙ ЮНОСТИ

Фоточерк

В. АРХИПЕНКО, А. МОКЛЕЦОВА

1. Огромной подножием окружает белую равнину заснеженные горы, суровые и колючавые. На их склонах едва выглядывают из-под сугробов темные черточки визираторских ошей. Суровый неяркий свет короткого полярного дня спрдавывает горизонт, и даль пропадает в колеблющейся дымке. Недалеко природа Заполярья. Кажется, все рождено в Хибинах, чтобы цементить в вечном леднике.

Но в этом северном крае кипит напряженная жизнь. По широкому шоссе вереницей бегут тяжелые самосвалы, прокладывают неутомимые бульдозеры. А вдоль склонов гор, разрывая гудками морозный воздух, мощные элентровозы легко мчат высокие платформы-думпкеры, наполненные зеленовато-серыми глыбами апатитовой руды.

Состав идет на обогатительную фабрику, гигантские порула ипотрой инутаны туманам. За ними, на возвышенности, видны многоэтажные известные дома. Там, среди снегов, раскинулся Кировск — город комсомольской юности, крупнейший индустриальный центр Заполярья.

...Тысячелетиями спалил хребты Хибин, не тронутые человеком. Спелыща метел, коварные туманы, снежные обвалы... Опасность подстерегала здесь, путника на каменном шагу. И недаром жители Кольского полуострова называли Хибинского турдура «Умттеи», что означает «дажежды неприступная».

Но советские геологи, пробравшись по бездорожью, преодолевая топиные болота и стремительные горные ручьи, отыскали в этих местах сказочный камень плодородия — апатит. Порошок этого камня, рассеянный по полям, наливал новой силой янтарию юности пшеницы, тутил почку кукурузы, гибкие стебли льна, давал огромный прирост урожая. В Хибинских горах геологи нашли огромное количество этого камня. Тысячи, миллионы, миллиарды тонн апатитовой руды спривались под тонким поровым скидуры заполярной почвы. В мире еще не было пародных месторождений.

Коммунисты решили вырвать из недр Заполярья эти богатства. В Хибинь приехал Киров, чтобы по воле партии начать штурм двадцати неприступных гор. Новогорной ночью в веревинном домини, затерявшемся среди снегов, при свете красной лампы состоялось историческое совещание. Киров говорил о городе, который вырастет здесь, о лотках элентрического света, которые займут долину, о несомненных зиселонах с рудой, которые пойдут прямо из горных недр.

Потом в Хибинь прибыли посланцы партии — ленинградские коммунисты, комсомольцы. Загрохотали взрывы на горе Юнисвикчорр; у ее подножия деловито застучал дробок. Трудно было в те дни добывать апатит. Почти все работы производились вручную. Кувалдами разбивали глыбы руды, лопатами насыпали ее в шатные вагоны, а затем по наслобам спускали к подножью горы. Вся элентрическая база нового рудника состояла из двух — трех динов и левонобий общей мощностью в десктоп ло-

Буряльщики апатитового рудника за работой в забое.

Пространство всех страниц, создаваемое!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь, № 1. 1955 год.

Год
издания
32-й.

Дом-музей С. М. Иромова. Этот дом был первым строением в Хибинах.

шадных сил. В те дни не хватало людей, и комсомолцы не раз поднимали молодежь на субботники.

Но уже в мае 1931 года первый красный обоз с апатитовой рудой отправился в разведку «Белый» за двадцать пять километров от рудника. Пестро выглядел этот обоз: вслед за автомашинами двигались тракторы, за тракторами — лошади, запряженные в дроги. Зато нагой радостью светились лица людей, отправлявших стране первые тонны хибинского апатита!

Из палаток люди перебрались в бараки, из бараков — в добротные дома. Потом построили школу, появились больницы, клуб, магазин. К руднику подвели железнодорожную ветку. В 1931 году хибинцы отгрузили для страны 25 тысяч вагонов с рудой.

Новый индустриальный центр Заполярья рос стремительно. Задуманы трубы крупнейшей в мире апатитово-нефелиновой обогатительной фабрики, появились новые многотонные каменные дома.

На десятке километров вглубь горы Кунисувечорр протянулись штольни.

2. С каждым годом на рудник прибывает все больше отечественной техники. Советская страна снабдила горняков винно-молотными механизмами. Сейчас процесс добычи руды полностью механизирован, начиная от бурения в забой и кончая транспортировкой руды на обогатительную фабрику в огромных думпкарах.

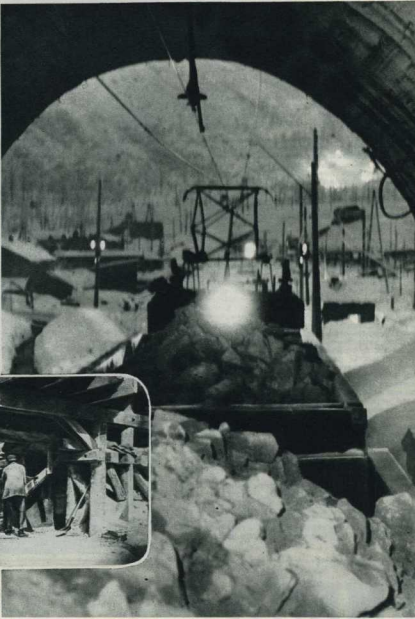
На руднике трудятся сотни комсомольцев. Люди с хибинскими знаменами работают бурьщиками, геологами, землетрясчиками, взрывниками, монтажниками, водителями электровозов. Молодежь вооружена самой современной техникой. В ее распоряжении умные машины, облегчающие труд человека.

3. В Кировске имеется горно-химический техникум. Здесь в светлых кабинетах и прекрасно оборудованных лабораториях учатся сотни студентов.

Этот техникум — почти ровесник города, он существует с октября 1931 года. В первое время он помещался в обычном бараке, и все его «оборудование» состояло из нескольких столов и стульев. Теперь в техникуме 12 учебных кабинетов, 4 лаборатории, 10 аудиторий, 2 читальные комнаты, библиотека, механические мастерские, физиологический зал. Техникум подготовил для народного хозяйства более 2 тысяч специалистов.

На снимке: занятия в кабинете технической механики.

Город Кировск по праву называют форпостом социализма на Крайнем Севере. Здесь юности и девушки учатся в светлых зданиях школ. Радиолюбитель транслирует для кировчан известия со всего земного шара. В библиотеках имеются все новинки литературы. В Кировске издаются две газеты. Для детворы открыты двери Дома пионеров, музыкальной и спортивной школ, детской библиотеки, яслей и детских садов.

Есть в Кировске свой узел связи, две гостиницы, городская больница, кинотеатр на 1 200 мест, стадион, натоп, спортивные залы, минералогический музей. Между рудником и городом курсируют комфортабельные зисовские автобусы, а на станцию «Апатит» пассажирский возит элентропоезд.

В январе 1955 года Кировск отмечает свой день рождения — ему исполняется двадцать пять лет.

На снимке как ж: откатка руды в 1932 году; вывоз апатитовой руды из накатальной штольни в наши дни.

4. В заполярном городе люди особенно ценят книгу. Почти все жители Кировска записаны в городские библиотеки. Большую торговлю книгами ведет магазин, расположенный на Индустриальной улице. По воскресеньям, когда обычно поступают в продажу новинки, у магазина уже ранним утром выстраивается очередь.

Иногда работники магазина вывозят литературу прямо на рудники. Перевалинкой киоск окружают десятки людей, желающих приобрести новые книги.

5. Статуэтки грациозных оленей, изящные шпатулки, ажурные полочки, затейливые орнаменты, четки и строгие барельефы украшают одну из комнат Кировского Дома пионеров. Здесь разместили свои работы юрковские резьбы по дереву. Более шестидесяти школьников занимается в этом кружке. Руководит им Анатолий Георгиевич Бурунов — большой энтузиаст и специалист своего дела. Многие работы его воспитанников отмечены высшим художественным вкусом. Резьба по дереву шолохинов Николай Матвеевич и Бориса Харинского «Змей Горыныч и русский богатырь» получила первую премию на Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей.

На снимке: юрковские работы.

6. У Василия Христофоровича Румянцева в трудовой книжке есть пометы, которой он очень гордится. Там есть несколько слов, но как много значит они для него — одного из первых жителей города! В книжке написано: «16 марта 1930 года принят столбом в трест «Апатит»». Василия сразу же направили на строительство жилых домов: каждый день прибывали новые люди, и нужно было их обеспечить жильем. Когда новосельцы города бросили присыпать «Молодежь» — на рудниках, молодой столяр, не задумываясь, сменял профессию.

Много лет своей жизнью отдал руднику Румянец. Здесь он вступил в комсомол, а затем в партию. Только один раз он наделго покинул родное Заполярье. Это было в годы войны. А после победы Василий Христофорович снова вернулся в Кировск. Сначала работал заместителем директора перемешенного участка, потом мастером по откатке, а затем заместителем начальника участка. 19 декабря 1953 года в его трудовой книжке появились новые пометы: «Начальник цехового горного участка».

...У Василия Христофоровича большая семья. Был у Румянцевых один сын, а несомненно лет назад появились сразу две дочери-школьницы: у этих девочек умерла мать, и Румянцевы удочерили их. Сейчас семья живет хорошо, дружно. Жена Василия Христофоровича, Алевтина Георгиевна, работает в Ильинском филиале Академии наук СССР, дети учатся в школе. По вечерам Василий Христофорович вместе с детьми садится возле нового радиоприемника, чтобы послушать любимую, хорошую музыку, узнать последние известия. Ведь труд ирочник неразрывно связан с общице трудом всей страны. Чем больше на рудниках в Хибилах добудут апатита, тем больше вырастет хлеба, овощей, картошка на полях нашей Родины.

Константин ТОЛЯПИН

ВСТРЕЧА

Полярное небо
в россыпи звезд,
Нависла над сопкой
луна светофором.
Из Кировска
вышел электровоз
Навстречу
холодным хибинским просторам.
Механик в кабине,
как в мягком куте,
В легкой шинели
и тонких перчатках;
А ветер шумит
на оленьей тропе,
И горы
услыаны белой крупчаткой.

Мелькают
знакомые с детства места:
Кривые березы
в сверкающей вате,
Над речкой
ажурная арка моста,
За ней
огонек путевого поста,
Где пас я оленей
в двадцать девятом.
На ягельном пастбище
дикий олень
Голову асннул,
но помал не сразу,
Откуда вдруг ночью
сияющий день

И это чудовище
с солнечным глазом.
Шарахнулся дурень.
Ему ли понять,
Что люди
придумали эти машины,
Чтоб ночью полярной
отыскать
Порожистым ревом
и горным вершинам,
Чтоб эту промерзшую землю согреть,
Обросшую мохом
в плену у мороза,
На сопки
зеленые шапки надеть
И выпрямить в тулдре
кривые березы.

Фотограф Е. Халдеа.

К. БАДИГИН

В ШТОРМ

Рассказ

Ломов нетерпеливо ждал капитанского слова. Ему казалось, что прошло много времени, хотя на самом деле ручной хронометр Шиншарева отсчитал всего-навсего тридцать секунд.

— Передайте радисту, пусть пошлет аварийную. Немедленно.

Ломов бросился вниз вниз, но капитан схватил его за твердый брезентовый плащ и выкрикнул в самое ухо:

— Сообщите в машину: пусть все выходит наверх!

...На помощь беструющему суду шел пароход «Север». Ухватившись за невидимый радионит, связывающую его с «Беломорском», капитан «Севера» сквозь пургу и ночь спешил к цели. Двенадцать часов пути разделяли два советских парохода.

Давно стемнело. Приподнятая корма раннего судна, освещенная тусклыми пятнами керосиновых фонарей, была сейчас единственным убежищем экипажа. Все возможности борьбы за жизнь корабля были исчерпаны.

Около полуночи показались огни «Севера». Разрывая мрак зимней ночи двумя прожекторными лучами, он настойчиво размыкал попавшего в беду товарища. Наконец «Бело-морск» был обнаружен. Густой снег, гонимый ветром, в ярком свете наминала упругую белую сеть, которая словно отделила людей на корме беструющего судна от всего мира. «Беломорск», «Беломорск», — заморгал на мостике «Севера» глазок сигнального фонаря-

ка. — Алексей Петрович... Это я, Лебедев... Вижу твое положение... Но на такой волне послать шлюпку нельзя. Сможем ли продержаться, пока немного стихнет?

«Климак», благодарю, — ответил фонарик на «Беломорск». — Сомневался в возможности продержаться».

Капитан Шиншарев сказал сигнальщику: — Все, брат. Больше пока передавать нам нечего.

Однако на «Севере» огонек время от времени продолжал вспыхивать, предупреждая, что разговор не окончен; видимо, там совещались. Но вот фонарик снова загворчал:

«Решая проложить вилотную у нашего бор-та. Пусть люди прыгают на мою палубу. По борту спущу сети...»

Рубиновый огонь на левом борту «Севера» становился все ярче. Он то круто взлетал кверху, то опускался до самой воды. Судно, невидимое в темноте, медленно приближалось.

Шиншарев крикнул своим людям: — Разойдитесь по борту, товарищи! Не мешайте друг другу! — и пошутя, подбадривая команду: — Параллель трапа не будет.

«Север» подошел совсем близко. Опять вспыхнули ослепительные лучи прожекторов. Над палубой гибнущего судна поплыл крило-ватый гудок — сигнал «Приготовьтесь». «Север» толкнул своим корпусом «Беломорск» и, медленно двигаясь, повалился за уходящей волной. Это и был самый удобный момент.

...Люди прыгали на обледеневшее судно, скользили, хватались за сети, помогали друг другу. Но не все успели перебраться. Нярья в волнах, «Север» развернулся и снова медленно начал подходить к «Беломорску», на котором еще оставались капитан Шиншарев, кокачар Сантусов, матрос Луговой и плотник Буянин.

Сантусов, стоя у фальшборта¹, ждал... Вот

¹ Фальш борт — сплошная железная обшивка вокруг палубы.

Э то случилось в полдень. На советский пароход «Беломорск», подорвавшийся на блуждающей mine, накатывалась разъяренная ветром зыбь. Она смыла палестру, закрывавшую равную пробоину на правом борту, сорвала брезенты с носовых трюмов.

Волны гудели по верхней палубе. С шумом скатывались в море потоки воды, унос с собой обрывки парусины, лодковые крышки, повывавшие откуда-то бочки и доски. Звенящий ветер яростно срывал верхушки грёбней, проносящая воздух соленой пылью, казалась тучи проносились так низко, что, казалось, заделаи косматые волны.

Капитан Шиншарев стоял на верхнем мостике, с напряженным следил, как медленно и тяжело всплывает раннее судно из-под накатывающейся волной горы.

Вслед за уходящей волной на палубу высыпали матросы. Шиншарев хотел вернуть их, но не успел: вахтенный штурман Ломов, подтягиваясь на поручнях трапа, окликнул его: — Алексей Петрович!

Судно снова стремительно повалилось вниз, и штурман instinctively прижался к обмерзавшим поручням.

— Долой с палубы! — крикнул Шиншарев матросам.

Новая волна была выше первой. В открытые трюмы вновь хлынули бурлящие потоки. Вода затопила нижний мостик, ворвалась в рубку.

— Алексей Петрович! — Ломов уже стоял рядом с капитаном и докладывал: — Палестра... сдувает с места... В котелгарке и машине... вода!

Ветер, достигший ураганной силы, врал одежду, обжигал лица, не давал дышать. Капитан застывшими пальцами отвернул руляи феррблат. «Продержаться час пять, не больше», — подумал он.

Визгу, на палубе, матросы и боцман настойчиво продолжали борьбу с океаном.

тяжеловесная корма «Севера» отчуждался рядом, но тут же с шумом осел в воду, а «Беломорск» поднялся на гребне волны, и Свистволов, словно с горы, увидел кипевшую у бортов воду. Затем палуба стремительно пошла вниз, и на мгновение над самой головой коцегара возник белесо вращающийся аэлоустую вилт «Севера».

— Берегись! — раздался чей-то резкий окрик. И в ту же секунду корма «Севера», высаякая несом, задела фальшборт у которого стоял Свистволов. Согнутый ударом толстой стальной лист, словно капкан, прижал ноги коцегара к палубе. Источник крик Свистволова оставался морком, приоткрывавшихся покинуть свое судно. Он бросился к товарищу, попытался помочь ему, но тут же убедился, что одним ломом ничего сделать невозможно.

— Спасайтесь! Спасайтесь!.. — кричал кто-то в рупор с «Севера».

Буянин быстро обернулся: на его искаженном страхом лице выступили капли пота. И Свистволов не спасем и сами погибнем — с отчаянием выкрикнул он. Тонет «Беломорск»...

— Покиньте судно, Буянин!.. спокойно сказал капитан плотнику!.. Вам здесь делать нечего.

Корма «Севера» снова приблизилась. Буянин, не глядя на товарищей, бросился к подошедшему судно...

Свистволов открыл глаза и, понимая свою обреченность, попросил капитана:

— Обруби... жить хочу... Список, милый...

Дай топор, Луговой! — резкий бросил Шшмарев матросу, но взглянув на ноги юноши, прижатые изуродованному фальшбортом, он с отвращением швырнул топор на палубу. — Немедленно развязать домкрат! — приказал капитан Луговому.

Матрос исчез в темноте и долго не появлялся.

А корма содрогалась под ударами волн, все глубже уходила в воду, и все настойчивее повторяла, стуча зубами, Свистволов:

— Мишенька, спасайте!

— Казалось, что «Беломорск» не продержится больше ни одной минуты.

Капитан, забешенный собственным бессилием, нетерпеливо кусал губы.

Вдруг, точно сквозь сон, он увидел, как с борта «Севера» в слабком свете прожекторов метнулись на палубу гибнущего судна какие-то тени.

Перемахнув через поручни, два матроса ринулись на обледеневшую палубу «Беломорска» и, не удержавшись, митом схватили за борту, у которого стоял Шшмарев.

— Зачем вы вернулись, Буянин? — крикнул спросил капитан. — А впрочем, вы должны были вернуться... И Ломов здесь?

— Я принесу домкрат, — сказал плотник.

Луговой давно уже его видел.

— А я знаю: он в кормовой рубке.

Когда Буянин, карабкаясь на оступ (морский снег залепая глаза), звернул домкрат, морские положили его под завернувшийся лист фальшборта в том месте, где он отходил далеко всего от палубы, и с ожесточением принялся за работу. Железо чуть подало, и все сразу воспрянуло духом.

Луговой схватил за плечи Свистволова, осторожно потянул на себя и вдруг вместе с ним поклатился по палубе в сторону кормы. Шшмарев, Буянин и Ломов кинулись к ним, крича и захлебывая от радости.

«Север» снова подошел к «Беломорску». Товарищи перебрести Свистволова на расставленный брезент и прыгнули сами. Израненный корабль словно ждал этого. Приподняв корму, он стал почти вертикально и сразу исчез в водах.

Шшмарев, по привычке отогнув рукава, посмотрел на часы: было ровно двенадцать. Он обвел взглядом товарищей, измученных, осунувшихся, в мокрой обшарпанной одежде, лежащих дорогих, близких, с которыми ни страшные никакие испытания на далеких и бурных морских дорогах.

— Родные мои... друзья!.. начал капитан. Ему хотелось выразить все, что наполняло его душу, но он сказал только: — Спасибо за выручку! Спасибо...

Рисунок Л. Хайдова.

Дмитрий БЛЫНСКИЙ

НА ГРАНИЦЕ

Бьют куренты двенадцать раз,
Слышен бой их пососуду в мире.
С Новым годом! —
Звучит сейчас
В каждом доме, в любой квартире.

Я бы тоже, друзья, не прочь
С вами вместе повеселиться,
Но я счастлив, что в эту ночь
Предо мною лежит граница.

С автоматом в руках стою,
Чтобы песни всю ночь звучали,
Чтоб спокойно в родном краю
Новый год вы, друзья, встречали.

Стужа. Выюга. Кругом снега.
Ветер сушь в деревьях гложет.
Я стою, и ничья нога
На границу ступить не сможет.

Бьют куренты двенадцать раз,
Слышен бой их пососуду в мире.
С Новым годом! —
Звучит сейчас
В каждом доме, в любой квартире
г. Орел.

Вадим МИРОНОВ

РОДНОМУ КОМСОМОЛУ

Всего, пожалуй, и не вспомнишь сразу,
Как я с тобой крутой дорогой шел,
Чем я тебе в своей судьбе обязан,
Моя семья родная — комсомолец.

Жизнь для меня была нелегкой школой,
И я постиг к семнадцати годам,
Как надо поднимать кузнечный молот
И бить на пулеметах по врагам.
Мне не под силу было бы вначале
Постигнуть эту мудрость до конца,
Когда б со мною рядом не стояли
Родные комсомольские сердца.
Ты, комсомолец, мне был во всем опорой,
Мною мечту большую открыл.
И если б надо было сдвинуть гору,
С тобой бы я и гору своротил.

Я шел к тебе доверчиво, как к другу,
С тобой печально и с любой бедой,
И ты всегда протягивал мне руку,
Душено разговаривал со мной.
Но если вдруг сбивался я с дороги
И оступался в жизни начинал,
Бывало, по-товарищески строго
Меня ты на соборных поправлял.
Я был к твоим большим делам причастен.
Учился жить — душено не кривить.
И понял я, что истинное счастье —
Отказе до последних дней служить.
И вот за то, что я, обычный парень,
Мог гордиться собственной судьбой,
Тыбе всегда я буду благодарен,
Мой комсомолец,
Учитель верный мой!
г. Белорецк.

Борис КЛИМЫЧЕВ

ПУСТЫНЯ ОТСТУПАЕТ

Пустыня здесь была когда-то:
В лесном
Сером
Океане
Метался ветер
Бесноватый,
Волнами дымилась берханы.

Колодец был,
Как остров в море,
Один
На сотни километров,
Теперь кругом эрыи...

Спорят
Полки деревьев
С игучими ветром.
Поля легли вокруг сельвня,
Вдоль по шоссе бегут машины,
И смотрит с пьедестала
Ленин
На отступление пустыни.
г. Ашхабад.

Василий ШМЕЛЬКОВ

ТРАКТОРИСТ

Заглушил мотор у перелеска,
Он смыхнул с лица горячий пот.
Закурю. Кинушу на трактор — дескаты,
Пусть мой копь немного отдохнет.
Развернушу центральную с портретом,
Улыбнувшись, молви: «Ничего!» —
Весело галдела с листа газетку
Юноши, похожий на него.
— Ничего. Одно лишь не в порядке —
Долго был корреспондент в пути.
Им запечатленье палатки
На земле обжитой не найти.

г. Егорьевск,
Московской области.

Наши шестерью

В. ШЕБАЛИН,
народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Семен Туманов (второй справа) читает с актерами драматического театра имени Станиславского новую пьесу драматурга В. Пистоленко — «Любовь Анну Березу».

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР, лауреат Сталинской премии

ЗАЛОГ УСПЕХА

Молодой режиссер, пришедший в театр после окончания института, обычно чувствует себя на первых порах несколько растерянно. У него есть знания, но нет опыта. Он не умеет быстро монтировать декорации, весьма туманно представляет себе роль света в спектакле, он никогда не работал с коллективом актеров, с художником, с композитором. На его плечи сразу ложится большая ответственность, а ему самому еще надо очень много учиться. И немало сил приходится затратить начинающему режиссеру, прежде чем он прочно встанет на ноги.

Мне хочется рассказать об одном из моих учеников, о Семёне Туманове. Его пример, я думаю, может быть полезен другим молодым режиссерам в их трудном пути на сцену.

Художественный, с копной взерошенных волос, Туманов на первый взгляд кажется немного застенчивым и молчаливым. Но это впечатление быстро рассеивается, когда видишь его на репетиции. Он загорается работой, увлекает других. Туманов стремится творчески осмыслить различные приемы режиссуры. И это очень важно. Помимо, например, как на занятиях в театральном институте каждый прорабатываемый отрывок из пьесы он предложил ставить в манере разных театральных школ. Таким образом, достигалось отличное реалистическое метода от других методов и направлений.

В годы учебы в институте Туманов не только осваивал теорию. Вместе с группой молодых актеров, композиторов, художников он создал опытную драматическую студию. Куйбышевский райсовет столицы пошел навстречу

энтузиастам. В их распоряжение было предоставлено помещение клуба на улице Кирова. Здесь Туманов поставил несколько пьес: «Баню» Маяковского, «Всплодилось усилие» любовию Шаховара, «Аленький цветочек» Аксакова, «Первый гром» Алигер. Не все в этих спектаклях было равноценно, но подкупали смелость замысла, интересная трактовка отдельных сцен, образов. Студия, к сожалению, просуществовала недолго. Но ее участники, в том числе и Туманов, приобрели ценные практические навыки. Теория была подкреплена самостоятельными творческими делами.

Наконец наступил день окончания учебы. Туманов получил диплом. Молодого режиссера приняли в драматический театр имени Станиславского. Художественный руководитель театра народный артист РСФСР М. Яшин поручил ему режиссуру спектакля «Девочки-красавицы» Симукова. Туманов не растерялся. Он уже имел за плечами известный опыт. Первая работа была выполнена успешно. А вскоре Туманову поручили постановку «Крошки Доррит» по Диккенсу и привлекли к созданию спектакля «Длин Турбиных» Булгакова. За два года — три серьезные работы. Это — хорошее начало.

На недавно закончившихся смотре работ молодых режиссеров «Крошки Доррит» в постановке Туманова получила премию. Но это не успокоило режиссера. Туманов считает, что ему необходимо продолжать работу над расширением, стремиться услышать ее реалистическое звучание. И в этом недовольстве собой, в стремлении отойти от проторенных путей — залог его новых, все больших успехов.

Александра Пахмутова — талантливая музыкант. Ее музыкальная одаренность проявилась рано: в три года она уже играла на рояле, в десять лет начала сочинять музыку. Способности девочки обратили на себя внимание. Ее приняли в музыкальную школу, потом в Консерваторию, которую она окончила в прошлом году.

Сочинения Али Пахмутовой радио звучат ярко, свежесте, русским национальным колоритом. Ее первая крупная работа — соната для симфонического оркестра — исполнялась в числе лучших произведений молодых композиторов на торжественном акте, посвященном 80-му выпуску Московской консерватории. Соната захватила слушателей жгучестью, бодрим, четким ритмом, задумчивостью мелодий. А мне было особенно приятно отметить и то, что произведение моей ученицы хорошо оркестровано.

Первая творческая встреча с оркестром, пожалуй, — самый важный и ответственный момент в жизни композитора. Впервые проследить, как оживают твои мысли в мощном звучании оркестра — большая радость для композитора. Но эта первая встреча тент а себе немало и опасностей.

Ведь для того, чтобы сделать сочиненную мелодию более красочной, обогатить ее, нужен не только талант, но и большой опыт. Нередко бывает так, что молодой композитор неудачной оркестровкой портит свою работу.

Первая встреча с оркестром оказалась для Пахмутовой исключительно удачной. Это resulted не только того, что молодой композитор обладает природным чувством оркестра. Симфоническое произведение Пахмутовой, исполнял оркестр студентов Московской консерватории. Все музыканты, сидевшие за пультами, были заинтересованы в хорошем звучании произведения. Каждый старался помочь молодой композитору. Успех союти вместе с Алей разделял все оркестр.

Сейчас Аля Пахмутова — аспирантка. Она работает над новым произведением — концертом для трубы с оркестром. Аля сумела найти для него разнообразие и интересные музыкальные темы. Уже есть талантливо написанные страницы. Но пока еще молодому композитору не удается обрести материал в ясную, доходчивую музыкальную форму.

Аля Пахмутова много и упорно работает. Она не боится трудностей. И поэтому я верю в ее дальнейшие успехи.

Фото Я. Халипа

Сейчас Аля Пахмутова работает над новым произведением — концертом для трубы с оркестром.

Khadija Akhmad Abbas — один из тех прогрессивных писателей современной Индии, творчество которых проникнуто горячим сочувствием к трудовому люду, его борьбе за национальную независимость.

Лучшие произведения Аббаса посвящены молодому поколению, тому поколению, которое в годы колониального гнета, следуя свободными устремлениями своего народа, не поворачивало колонизаторам, а теперь находится в рядах борцов за мир и социальную справедливость.

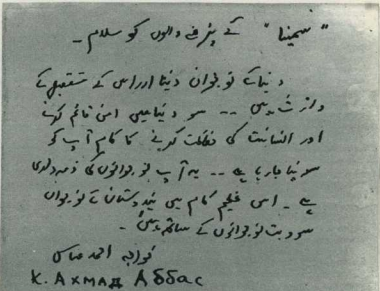
Akhmad Abbas является автором более ста рассказов, двадцати кино-сценариев, в том числе сценария фильма «Вродига», демонстрирующегося на экранах нашей страны в дни фестивалей индийских фильмов. Его знамя о новом, свободном Китае, роман «По ту сторону Индии», репортажи «Плещу, как чувствую» и повесть «Завтра принадлежит нам» известны широким слоям индийского народа.

Akhmad Abbas — талант и драматург. Особенно большим успехом пользуется на родине писателя его пьеса «Субедра», режиссера индийской девушки, восставшей против феодальных обычаев.

Индийскому иностранной литературе предлагается опубликовать новый роман Аббаса — «Революция». Это первая часть трилогии, над которой писатель сейчас работает.

Рассказы «Отцы и сыновья» Akhmad Abbas перевел журнал «Смена» во время своего пребывания в Советском Союзе.

Рассказ публикуется впервые.

Привет читателям «Смены»!

Молодежи принадлежит будущее, потому на нее возлагается ответственность за сохранение мира во всем мире и защиту демократии. В этом великом деле молодежь Индии выступит рука об руку с молодежью Советского Союза.

Khadija Akhmad Abbas

К. АХМАД АББАС

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

«Ну что ж, как хочешь! Ты никогда меня больше не увидишь!»

«Ты никогда меня больше не увидишь!»

«Никогда! Никогда! Никогда!»

Эти слова, словно нескончаемый припев, все еще звенели в ушах Кришны Сингха из касты воинов. Эхо, повторявшее их, будто издевалось над ним, раздражало и оскорбляло его. Гнев скавал Кришну Сингха, и он впервые в своей жизни почувствовал себя бессильным, что-либо сделать в этом невероятно тяжелом положении.

Кришны Сингх никак не мог поверить, что его родной сын встал против него и победил. Но это была правда. Да, он победил Кришну Сингха из касты воинов, перед которым трепетали даже самые ищущие крестьяне.

«Мой сын... думал он с горечью... мой родной сын... Как мог он ослушаться и встать против своего отца? Как смел оставить дом, дом своих предков, в котором родился! Как он смеет!»

И все же он пошел и ушел, ушел навсегда. Он так и сказал: «Насегда». И это означало конец всему. Когда он в последний раз шел по мраморному полу отцовского дома, в его размеренных шагах чувствовалась суровая решимость, вызов и объявление войны.

Мощенально покружив седые, торчащие вверх усы, Кришны Сингх спрашивал себя: «Куда идет мир?... Крестьяне восстают против помещиков, сыновья перестают покоряться отцам и уходят из дому. Вековые связи разуты, давние общественные традиции и устои рассыпаются в прах. Не только в стране происходит разлад, но и каждой дом, каждая семья раскалывается надвое. Сыновья уходят от своих отцов, дочери начинают чуждаться своим матерей, мужья и жены разводятся... Почему! Почему! Почему!»

Он задавал эти вопросы старым роскошной гостиной, портретам своих предков, которые смотрели на него мертвенно-неподвижными глазами.

Он задавал эти вопросы выточенным из слоновой кости Кришне и любимому Ганди, кото-

Рисунок Г. Храпака.

рые мирно улыбались ему со своих пьедесталов.

Он задавал эти вопросы национальной флагу, украшающему одну из стен.

Он задавал этот вопрос символическому изображению Индии, висевшему в позолоченной раме.

Он задавал этот вопрос каменным резным колоннам, поддерживавшим высокий потолок. Он задавал этот вопрос фоллиантам в кожаных переплетках со сводами законов, стоявшим на полках застеленных шкафов.

Он задавал эти вопросы календарю на стене, листки которого трепетали от легкого ветра, разнося крылья неведомой птицы времени.

Он задавал эти вопросы часам, украшавшим стену, которые тикали как-то странно и многозначительно.

Он задавал этот вопрос стальному сейфу в углу, в котором хранились драгоценности и деньги, купные кредиты на имущество стоимостью не менее миллиона.

И, наконец, он задавал этот вопрос своей бесконечной, как манраваивани, шапке Ганди, лежавшей, как обычно, на сейфе, сверху корона на троне.

«Отчего происходит недовольство, слухи и неповадание? Почему!» — свирялось с его губ.

Но ответа не было. Стены, картины, статуи молчали. Молчали и, быть может, поражились, как и он сам. Не только гостиня, но и весь огромный дом казался пустым, заброшенным и мрачным. Как будто сам, этот грубый, дерзкий, непокорный, заблудившийся сын унес с собой жизнь дома. Имя, быть может, он и был жизнью этого дома! И теперь, когда сын ушел, огромный, роскошно обставленный дом Кришны Сингха стал мертвым, как sklep, как могилка фараона, в которой вместе с ним погребены всевозможные предметы роскоши и драгоценности — все, кроме жизни!

II

Ананд, его сын!

Двадцать пять лет тому назад Кришны Сингх назвал своего первенца Анандом, что означало счастье, потому что сын действительно принес ему и счастье и успех в жизни. В тот день, когда он родился, Кришны Сингх, будучи еще молодым адвокатом, выиграл в местном суде свое первое дело. О нем много говорили среди юристов, и с тех пор он неизменно выигрывал важные дела. Но это первое крупное дело для Кришны Сингха было истинно колоссальной радостью, потому что он спас от вселикой человека, ошибочно обвиненного в убийстве. Он получил скромную плату от слепенного им клиента, но благодарность, которую увидел в глазах этого простого крестьянина, вознаградил его за все труды. Справедливость и гуманность — вот идеалы, которыми молодой адвокат решил посвятить свою жизнь.

Справедливость, гуманность и свобода! Когда Кришны Сингх услышал этот девиз,

провозглашенный пожизненным лидером партии Национального конгресса, и тогда же, когда, что его сердце, словно эхо, повторяет благородный призыв всем жаром юношеской крови.

Ананду было четыре года, когда его отца первый раз посадили в тюрьму. Кришан Сингх был приговорен к трем годам тюремного заключения за мятежную речь, за издевательство над тем самым законом, которому был призван служить в суде. В тюремной камере он долго дулся над тем, как это касалось над ним судьбы.

Неизвестный молодой адвокат не пользовался в тюрьме тем вниманием и комфортом, которыми окружат почтенных людей, попавших в тюрьму. Не очень-то приятно было чувствовать себя загнанным в камеру вместе с такими же несчастными. Кришан Сингх переносил суровую тюремную жизнь с мужеством, столь характерным для касты воинов.

Разука с женой и ребенком было поистине мучительной, но Кришан Сингх знал, что тысячи патриотов страдают так же, как он. Его утешала мысль, что семья его не нуждается; у нее есть земля, дом, и отец его заботится о невесте и внуке, хотя старик и не сочувствовал политическим взглядам сына.

Однажды, когда оставалось всего несколько месяцев до освобождения, Кришан Сингх написал неярким детским почерком: «Мой дорогой папочка, здравствуй!»

Нежные воспоминания о сыне, как солнечный луч, озарили темную, грязную камеру. Сын, лицо которого поотерло черты отца, был для него живым символом любви к жене Раде. Глядя на детские каракули, он мысленно видел родное, невинное лицо, которое горевало ульбами ему, маняло и жаловалося на долготу разлуки. На писемце Кришан Сингх написал, казалось, померли. Желая увидеть жену и сына, воскликнула его сердца. Как хотелось ему в тот миг сломать железные решетки и броситься домой! Но в следующие мгновения, когда он дочитал письмо сына, ему стало стыдно за минутную слабость. Сын писал: «Папочка, не беспокойся о маме. Я здесь и забочусь о ее здоровье. Маме говорят, что, когда я вырасту большой, я стану революционером, как и ты, папочка. Этого бы достаточно, чтобы сарай отца-патриота наполнился законной гордостью.

Через несколько недель Кришан Сингх узнал, что его жена заболела. Ананд писал: «Маме очень плохо и все время вспоминаю о тебе».

Некоторые друзья советовали Кришану Сингу просить о помиловании в связи с болезнью жены, но Рада сама написала ему своей ослабшей рукой: «Пожалуйста, не жертвуй ради меня своим идеалам, иначе я никогда не прощу себе этого». И тогда, чтобы ты просил снисхождения у английского правительства. Если мне повезет, мы увидимся, когда ты выйдешь из тюрьмы».

Кришан Сингх разорвал прошение о помиловании о тебе».

Затем было подписано перемирие Ганди—Ирвинга¹, и Кришан Сингх был освобожден вместе с другими политическими заключенными.

Когда он вернулся в родной город, его встретили торжественной процессией. Но когда он входил в свой родной дом, Рада, как это бывало раньше, не приветствовала его у дверей. Один Ананд, повзрослевший и похудевший за эти три года, стоял у порога. Тяжелые отцы не вызвало у него даже улыбки. Ананд смотрел глазами, полными слез, затем, сдерживая рыдания, сказал: «Папочка, ты пришел слишком поздно. Мамы нет...»

III

С той поры отец и сын остались вдвоем. Каждый вечер, возвращаясь домой из суда, Кришан Сингх садился в кресло и спрашивал сына: «Ну, Ананд, что было сегодня в школе?» Ананд рассказывал ему все: «Сегодня коза нашей учительницы родила двух козлят», «Сегодня я упал с дерева, посмотри, как

ободрая ногу», «Сегодня на дороге перед нашей школой индиринкала английские солдаты. Они так сердито смотрели на нас, как будто хотели съест. Многие мальчики испугались и убежали, а я не испугался».

И Кришан Сингх говорил: «Молодец, сыночек! Я знаю, что ты не пугливая».

Как-то раз, когда Ананду было десять лет, он вернулся домой из школы и сказал: «Папочка, меня выгнали. Выгнали за то, что я носил шапку Ганди. Директор предупреждал меня и раньше. Сегодня к нам в школу пришел какой-то английский инспектор. Красное его лицо стало еще краснее, когда он увидел на мне шапку Ганди. Он вызвал меня и приказал переписать все благодеяния английского короля. Что мне оставалось делать, папочка? Пришлось сказать, что английский король держал в тюрьме моего отца и таких же людей, как наш Ганди... Какое же могло быть еще большее благодеяние!.. Услышав мой ответ, инспектор расширился и удерил меня бумбушкой палкой... шесть раз удерил по обеим ладоням... Выдвинул папочка, вот еще остались следы. Но я не заплакал перед английским, я не заплакал...»

Сказав это, Ананд спрятал лицо в коленях отца и зарыдал. Кришан Сингх, гордый своим сыном, нежно приподнял его и поцеловал.

«И сегодня, падать тебе слезы, Кришан Сингх все еще чувствовал на своей щеке горячие слезы сына...»

Отослав Ананду учиться в Бенарес, Кришан Сингх остался один в доме. Большую часть времени он проводил в суде и только изредка занимался политической работой в местном комитете партии Национального конгресса.

Вскоре он стал очень известным адвокатом. Его доход исчислялся теперь не сотнями, а тысячами рупий. Он уже не спрашивал клиента, виновен он или нет. Его интересовало другое: сможет ли клиент заплатить гонорар.

Кришан Сингх продвигался и пресулався во всех отношениях. Из суда первой инстанции его переводили в высшую, из членов городского управления он садился председателем, из комитета местной партийной организации перешел в комитет всей провинции. Уже поговаривали, что на выборах в Ассамблею провинции² он будет выдвинут кандидатом от своей партии.

Кришан Сингх думал, что Ананд, конечно, обречется всем этим счастливым переменам, когда придет на киньку.

И вот сын возвратился из колледжа. Кришан Сингх с удовольствием отметил, что киньку составляли большую часть его багажа — то были сборники стихов на хинди и английском языках, сочинения о французской, ирландской, американской и русской революциях. Это свидетельствовало о том, что Ананд не терял даром времени, не сползал как толку, как другие дети.

— Я очень рад, что ты интересуешься политикой! — сказал Кришан Сингх. — Я уверен, что ты тоже станешь политическим деятелем, как твой отец.

¹ Ассамблея провинции — местный национальный законодательный орган. В годы английской господства в Индии его власть была ограничена. (Прим. переводчика)

— Прости, папочка, — возразил Ананд, — но я не хочу быть политическим деятелем, я хочу быть революционером.

И Кришан Сингх промолчал нарочито веселым тоном:

— Конечно, конечно, мы все хотим революцию, но ты — исключение лица сына, когда тот не верит ему.

Ананд был дома уже несколько дней, когда какой-то старик-крестьянин пришел с жалобой и рассказывал, что помещик прогнал его, лишив последнего клочка земли, что слуги помещика набили старика и его сына, а сожгли живую. Крестьянин просил, жаловался, умолял Кришана Сингха защитить его дело в суде:

— Великодушный господин! Верни, пожалуйста, мою землю. Вся жизнь я буду молиться тебе, дед!

Но клерк Кришана Сингха спросил старика, хватит ли у него денег заплатить такому великому адвокату. Трясающимся руками крестьянин развязал узел в кушаче, пожатому вокруг бедер, и протянул клерку гразую, которую Ананд как раз входил в дом, когда клерк выставлял старика.

Много лет прошло с тех пор, но Кришан Сингх все еще востановил помин составившейся тогда разговор с сыном — первое действие драмы, которая достигла сегодня своего апогея.

— Почему, отец, ты не берешься за дело этого несчастного старика?

Клерк попытался замешкаться и сказал несколько гомослов:

— Молодой господин, ты не знаешь этих людей-мошеников, у них нет ни гроша за душой, и они только зря приходят беспокоить нас...

— Я хочу услышать, что ответит отец.

— Мой секретарь прав, сынок.

— Тогда я сам прошу тебя влезть за это дело, я лично заплачу гонорар, какой пожелаешь.

Кришан Сингх был поражен и несколько минут не мог промолвить ни слова. После томительной паузы он сказал:

— В конце концов, мы тоже владеем землей. В свое время я даже защищал дело этого старика, но затрепа ты, арендуют у меня землю, тоже могут встать и отнять ее у нас и у тех землевладельцев.

— Так и произойдет, когда будет уничтожен помещикский класс.

— Ты говоришь, как глупец.

— Я говорю не как глупец. Я говорю так, как ты говорил когда-то!

На следующий день Ананд сказал:

— Мне нужно готовиться к экзаменам. Я хочу вернуться в Бенарес и позаниматься в последние дни киньку.

Оскорбленная гордость отца не позволила просить сына остаться еще на некоторые время дома.

IV

С того дня расхождения в мыслях и чувств отца и сына все углублялись. Когда Ананд вернулся на киньку и они начали о чем-нибудь спорить, Кришану Сингу казалось, что он говорит не с сыном, а с чужим человеком.

Кришан Сингх пришел на выборы в Ассамблею провинции Национального конгресса. Он получил тысячи позадлений. Только сын не поздравил его. Ананд заслужил первую премию на всеиндийском соревновании по политике, но это не доставило удовольствия его отцу. Сын выбрал для соревнования тему «Спасение Индии в социализме» и в защиту социализма пронаез пламенную речь.

Кришан Сингх избрал председателем на съезде крупных землевладельцев. Ананд выступил в поддержку социалистического партии.

Кришан Сингх торжественно открыл собрание касты воинов. Ананд организовал марксистский кружок.

Кришан Сингх ездил в Англию защищать дело о наследстве крупного помещика и получал за это более ста тысяч рупий. Почти в то же время Ананд исключили из университета за участие в революционном движении.

Когда началась война, Кришан Сингх вместе с некоторыми другими политическими деятелями заявил начальнику полиции, что в некоторых случаях он будет оказывать неповинове-

ние правительство. Начальник полиции весьма вежливо арестовал его и препроводил в тюрьму в своем автомобиле. В тюрьме Кришн Сингх был на привилегированном положении, на этот раз его отнесли к категории «А». Освобожденный через три месяца, он решил, что все же не стоит подвергать себя риску снова оказаться в тюрьме, и занялся более широкой общественной деятельностью: стал пропагандировать ношение национальной одежды. Но тайным образом, под чужим именем, он заключил договор с правительством на поставку сапог для армии. Годовой доход от этой сделки составил примерно шесть тысяч рупий.

Ананд организовал демонстрацию протеста против национального участия Индии в войне. Во время демонстрации его избил бамбуковыми палками, а потом английский солдат ударил его сапогом, подбитым железом. Возможно, это был один из тех сапог, которые тайно поставлял его отец!

9 августа 1942 года Кришна Сингха вместе с другими известными политическими деятелями поместили в специальный поезд и отвезли в старую, но уютную крепость. В тот же день Ананд был снова избит бамбуковыми палками, почти задушен слезоточивым газом и арестован за попытку воздуть национальный флаг.

Находясь в заключении, Кришн Сингх занимался философией и гово и с благоговением читал религиозные книги. Ананд в тюрьме изучал «Капитал» Карла Маркса, читал марксистскую литературу.

Правительство разрешило Кришну Сингху иметь в тюрьме своего поваря, который готовил ему любимые кушанья, как в собственном доме. Ананд с товарищами по камере обменялся голодовку; они длились семнадцать дней.

Ананд бежал из тюрьмы и стал подпольщиком-революционером.

Однажды полиция нашла на след Ананда и едва не поймала его. Раненный в ногу, он все же ушел от преследователей. Ананд не мог обратиться за помощью к врачу, и рана загноилась. Ему пришлось пролежать две недели в доме своего друга. Прикованный к постели, он прочел в газете заявление своего отца: «Я строго осуждаю террористическую деятельность моего сына».

Затем возобновились переговоры между партией Национального конгресса и правительством, и Кришн Сингх вместе с другими политическими деятелями вновь очутился на свободе. Спустя несколько месяцев Ананд пришел повидаться с отцом и

отдохнуть немного перед тем, как снова включиться в политическую работу. Кришн Сингх не на шутку встревожился, увидев, до какой степени исхудал его сын. В эту волнующую минуту отец забыл о политических разногласиях, и, когда он обнял Ананда, на его глазах заблестели слезы.

3 июня 1947 года было принято решение о разделе Индии¹. Территорию страны насилием подавили, хотя формально Индия считалась свободной. Разгорелись религиозные страсти. В Пакистане и в некоторых провинциях Индии началась резня. Ананд поставил своей целью во что бы то ни стало сдержать поднимающую волну ненависти, помешать насилию, а также спасти жизнь и честь своих товарищей — мусульман. Его друг Селим, с которым он вместе вел борьбу за изгнание англичан из Индии, оказался в непосредственной опасности у себя в деревне в Бихаре. Ананд тотчас же выехал туда и привез его с семьей в дом отца, считая родительский кров наиболее безопасным местом. Он был уверен, что отец, будучи членом партии Национального конгресса, с радостью примет мусульман, которые всегда выступали против единоверцев-фанатиков и подвергались за это постоянным преследованиям. Но Кришн Сингх сказал сыну:

— Лучше устрой своих друзей где-нибудь в другом месте. На нас и так уже указывают пальцами, говорят, что мы укрываем мусульман.

Ананд ответил:

— Но они не просто мусульмане — они борцы за национальное освобождение! Они всегда стояли за партию Национального конгресса и выступали против Мусульманской лиги.

— Может быть, ты и прав, но ты не знаешь, что происходит сейчас в Пакистане.

— То же самое, что происходит здесь, то же самое, что происходит и в твоём сердце, — ответил Ананд, и в ту же ночь покинул отчий дом, уводя куда-то со своим другом и его семьей...

Все это, как на экране, возникало сейчас в памяти Кришны Сингха.

Друзья говорили ему:

— Слишком много свободы ты даешь своему сыну. Он стал настоящим матамонком. Кришн Сингх отвечал:

— Не беспокойтесь, друзья: он еще молод. Кто из нас не мечтал в эти годы стать матамонком и революционером? Я сам был таковым...

¹ В 1947 году Индия получила права доминиона, и в это время ее территория была разделена на Индию и Пакистан по религиозному принципу. (Прим. переводчика.)

Он был уверен, что со временем юношеский пыл Ананда остынет: с физической зрелостью придет зрелость ума, и тогда он вернется домой.

Но Ананд не вернулся. А когда он все же пришел, то пришел не как любящий сын, а как враг.

V

Кришн Сингх держался в стороне от борьбы за министерский портфель, перестав участвовать в работе своей партийной организации. Он снова повесил себя юридической практике и зарабатывал теперь по несколько тысяч рупий в месяц. Но когда было создано национальное правительство, решил, что долг каждого патриота — помочь развитию индийской промышленности. Конечно, он прекрасно понимал, как это важно — вложить свой капитал в промышленность: предостало управление помещичьей собственностью на землю. Именно по этой причине он вместе с несколькими друзьями купил в Канпуре два фабрики у одной английской фирмы, владеющей которой спешно покидал Индию. Благодаря заимчивому положению Кришну Сингху было легко получить от правительства выгодные заказы и всякие другие привилегии. Итак, адвокат Кришн Сингх из касты воянов стал господином Кришном Сингхом, миллионером.

Но, к его несчастью, на пути к прогрессу в промышленности он встретил Булункиши социалистов и коммунистов. Рабочие бастовали. Фабрики были закрыты, ни одна труба не дымилась. Управляющий Кришна Сингха, мивший многолетний опыт организации штрейкбрехерства, советовал найти способ расколоть единство рабочих.

— Преданных надо соблазнить прибавкой жалования, — подсказывал управляющий, — а пикетчиков запугать немалыми хулиганствами. Кроме того, необходимо добиться, чтобы правительство арестовало профсоюзных руководителей стачки как нарушителей спокойствия.

Но Кришн Сингх, будучи еще новичком в этом деле, пока не решился применять подобные меры. Он хотел впервые испытать свои юридические способности в споре с профсоюзными организациями, поэтому попросил управляющего известить забастовщиков, что хотел бы поговорить с их главными вожаком.

VI

Кришн Сингх был поражен, увидев вожака забастовщиков. Это был Ананд. Его сын! Как странно изменился он за последние несколь-

ко месяца: небритый, ододея вся испрелась, глаза вывалились от усталости, но в них горел яркий огонь, и голос его звучал твердо. Сегодня Анадд пришел разговаривать со мной врагом. Но как-никак, а он был его сыном. Сердце отца замерло от внезапного наплыва чувств.

— Я пришел не выпрашивать подаяну,— сказал Анадд вместо приветствия.— Ты мой отец, а поэтому я, как сын, пришел предупредить тебя об опасности.

— Об опасности?

— Да, непосредственной опасности.

Кришн Сингх подумал, что рабочие намереваются убить его, и Анадд пришел предупредить об этом. Но скоро он понял свою ошибку.

— Нет, нет, на твою жизнь никто и не думает покуситься. Опасность угрожает твоему обществу, всей его экономической системе, его нравственности.

И снова между отцом и сыном разгорался давний спор о капитализме и социализме. Но на этот раз Кришн Сингх принял новое оружие для нападения:

— Анадд, разве ты никогда не думал о том, что эта фабрика, которую ты и твои забастовщики собираетесь уничтожить, скоро станет твоей собственностью?— И, закашлявшись, как при астме, он добавил:— Ты знаешь, я долго не прогляу.

— Но в твоей общественной стройке долго не протянет,— ответил Анадд.— Капитализм уже мертв. Не пытайся обмануть меня зловонным куском мертвечины.

— Отец не в силах был больше сдерживать свой гнев.

— Помни, Анадд, я лишу тебя наследства. Ты ни гроша не получишь!

— Не беспокойся, отец. Я уже давно отказался от твоего наследства, как отказался от твоего общества.

Поборов душущий его гнев, Кришн Сингх снова пытался уговорить сына:

— Послушай, Анадд, в конце концов я твой отец и желаю тебе только добра. Разве не твой долг быть послушным?

— А ты всегда ли поступал, как хотела твой отец?— ответил Анадд вопросом на вопрос и продолжал:— Было бы совершенно противоестественно, если бы сыновья слепло покорялись воле своих отцов. Ты и сам хорошо знаешь, что если бы сыновья, «бессмертные сыновья», как назвал их Платон, не встали против отцов, мы все еще жили бы в пещерах и одевались в звериные шкуры, высекли бы огонь из камней и сжигали замком и пловком, поклонялись бы солнцу, деревьям и землям. Поверь мне, отец, успех прогресса зависит от сыновей, которые не покоряются слепе воле отцов и не соглашались с ними.

Кришн Сингх не хотел аргументировать в философском диспуте. Его беспокоили только убийцы, которые он терпеть уже не мог проклятой забастовки. Было невыносимо больно, что его собственный сын причастен к этому.

Постепенно тон Кришны Сингха становился все жестче:

— Знаешь ли, сын мой, что только благодаря мне ты еще не арестован за участие в этой забастовке? Я не хотел прибегать к жестким мерам для умирнения рабочих. Я был бы рад увидеть это мероприятие делом по-хорошему. Но теперь я буду вынужден...

— Потребуйте, чтобы меня арестовали!— закончил Анадд начатую отцом фразу.

— Скоро ты будешь требовать, чтобы нас избили бамбуковыми палками и нас стравляли в нас! Ты и не представляешь себе, как много ужасных поступков заставит тебя совершить капитализм!

— Неужели этот грубый, дерзкий агитатор С безумным блеском в глазах— его сын! Нет! Нет! Не может быть!

— Вон отсюда!— закричал Кришн Сингх.— С этого дня я тебе не отец и ты мне не сын! Я знаю тебя больше не желаю!

И я думаю, что с того самого дня, когда ты отказался защищать дело нищего крестьянина. Я понял это в тот день, когда ты, чтобы задобрить правительство, написал заявление в газету, в котором осуждал мою деятельность. Я понял это и тогда, когда ты отказался помочь моему другу только потому, что они мусульмане...

— Вон!.. Не хочу видеть тебя, не хочу слышать твой голос!

Кришн Сингх кричал так, что, казалось, вся комната вокруг наполнилась его голосом. Анадд, напротив, говорил тихо, но торжественно, отточенными, как брильян, словами.

— Ну что ж! Как хочешь! Ты меня больше никогда не увидишь...

Потом он ушел, и это означало конец всему. «Конец!»— зловеще отстукивали его выщеленые, стоганные башмаки, когда он в последний раз шел по мармурному полу коридора. В его размеренных шагах чувствовалась суровая решимость, вызов и объявление войны.

«Я никогда не вернусь. Никогда! Никогда! Никогда!»

VII

В доме царили пустота и мрако; то же было и на сердце у Кришны Сингха. Все, что находилось в комнате,— картины, статуи и даже сами стены,—казалось, насыщалось над ним. В глубине души Кришн Сингх сознавал, что не врага он выгнал из дому, а своего единственного сына, курчавого мальчугана, писавшего когда-то отцу: «Я тоже стану революционером, как ты. Он выгнал того лю-

боназального ребенка, глаза которого сверкали, когда он показывал следы бамбуковой пали на руке: «Но я не плакал перед английским палочка, я не плакал...»

Сегодня он выгнал не только сына, но и мать сына—жену Раджу, которая писала ему в тюрьму: «Если мне не пощадят, мы увидимся, когда ты выйдешь из тюрьмы. Она умерла, но не позволила мужу поступить своими принципами, просить синхкождения у английского правительства.»

Выгна сына, Кришн Сингх остался в доме один. Один во всем мире. Но стар, у него есть еще близкий человек— его старый отец.

Харам Сингх из касты виновик жил в своем родовом доме в деревне. Это был нечи семидесятилетний старик, и память начала изменять ему. Возможно, наступало старческое слабоумие. Кришн Сингх долго навещал отца, но сегодня он непременно поведет к нему и поживется на Анадда. Только отец сможет понять паркинжана Кришны Сингха. Он вызвал машину из гаража и через несколько минут уже мчал по пыльной дороге в деревню.

Старый Харам совершал свой вечерний обряд, когда автомобиль Кришны Сингха подкочкал к дому. Повторяющийся во время молитвы сиреной автомобиля, старик закричал на слуг:

— Идиоты! Тысячу раз говорил вам: не хочете, чтобы колесница дьявола въезжала в мой двор. Вы хотите, чтобы я обратил ее в пепел своими проклятиями!

Харам Сингх был сед и беззуб, но голос его гремел так, что его слышно было за полмили. Он был почти слеп, но не желал носить очки—изобретение чужеземцев. Не желал он также иметь искусственных зубов.

Кришн Сингх вошел и встал перед отцом, но старик не узнал его.

— Кто тут?

— Это я, Кришн.

— Уберишь вон, обманщик! Великий бог Кришны никогда не ездит в колесницах дьявола,—сказал старик и, перебирая четки, стал повторять имя бога.

— Отец, я не бог Кришны. Я твой сын Кришн.

— У меня нет сына. Я тебе не отец.

Много лет назад произнес эти слова Харам Сингх, выгна из дома сына Кришны, когда тот примкнул к национально-освободительному движению. Теперь, из старости лет, он потерял память, а вместе с ней всякое представление о времени и пространстве. Прошлое и настоящее, бог Кришны и сын его Кришн—все безраздельно спуталось у него в голове.

— Отец, прошу тебя, выслушай. Я твой сын Кришн Сингх. Мне нужно тебе что-то сказать. Сын мой Анадд ушел навсегда из моего дома.

— Да, да,—согласился старик. Его мысли витали в прошлом.—Кришн ушел из дома. Я сам выгнал его.

— Он стал социалистом, он руководил забастовкой на моей фабрике,—Кришн Сингх упорно старался объяснить отцу все происшедшее и добиться от него утешения.

— Да, я знаю, это все из-за Ганди. Это он подстрекает и портит молодежь. Сын господи! Сборщик налогов сказал мне это.

— Я веду речь об Анадде, отцу!—уже не говорил, а кричал Кришн Сингх. Ему действительно на нервы, что мысли старика все время блуждают в прошлом.

— Уверю вас, господи! Сборщик налогов,—бормстал старый Харам Сингх,—я пригрозил ему, что выгону из дому, и он обречен. Все индусы на касты виновик до седьмого колена преданы английскому королю. Сын индусы из касты виновик не может быть вместе с бутувиками...

Кришн Сингх еще раз предпринял попытку объяснить безумному старику цель своего прихода:

— Отец, please наконец! Сейчас не тысяча девятьсот двадцать второй, а пятидесятый год. Твой внук ушел из дому, он стал коммунистом. Он хочет уничтожить нас всех— помещиков, аристократов и коммиссаров.

Но старик продолжал бормотать слова, смысл которых попрежнему относился к прошлому:

— Король—воплощение бога. Восставший против короля будет проклят на этом и на том свете...

Кришн Сингх жаждал услышать от отца хоть единое слово утешения, столь необходимое ему в эти часы одиночества.

— Отец!—воскликнул он в отчаянии.— Разве не позор, что Анадд стал врагом своего класса, своей семьи, своего отца! Отец, кото-

рый кормил, одавая его и воспитала с любовью и заботой!

— Это ужасно! — звирчала старая Харам. Кришну Сингху показало, что сознание на миг вернулось к старому отцу. Но он ошибся. Харам Сингх продолжал:

— Это поистине ужасно. Как отец и мать, заботится о нас английское правительство. Может ли кто из наших сыновей пойти против такого правительства? Нет, нет, этого не может быть...

Только теперь Кришн Сингх вспомнил, что много, много лет назад его отец говорил ему точно такие же слова. Это было тогда, когда он вступил в партию Национальный конгресс. Воспоминания старика прозвучали сейчас для Кришны Сингха, как насилие...

— О чем ты говоришь, отец? Сейчас ты считаешь двадцать пятый десяток год. Теперь Индия стала независимой... Это Ананд и его товарищи — социалисты и коммунисты...

— Все зло идет от Ганди. Сегодня он подстрекает народ против правительства, а завтра будет насаждать крестьян на помещиков. Нелегко будет потухнуть уже вспыхнувший огонь мятежа...

— Отец, своим разговорам о классовой борьбе они подвергают все страну...

— Они хотят свободы, — усмехнулся старик беззубым ртом, — они кричат: «Да здравствует революция! Даже сын Харамы Сингха из касты воинов связан с этими хулиганами. — Отец! — завопил Кришн Сингх. Он чувствовал, что сойдет с ума, если этого не перестанет копаться в прошлом.

— Помни, Кришн, — голос старика дрожал, но звучал властно, — я пишу тебе наследств. Ты не гробишь ли попухи?

Чьи это слова? Кто проманил их? Когда? Не отец ли говорил ему это двадцать пять лет тому назад? Или он сам несколько часов назад сказал эти слова Ананду? ... Ананд Харамы Сингха начал пугаться. Прошлое и настоящее окончательно смешались в его мозгу.

Слезы бегали в близоруких глазах старика, когда он говорил ярдожиком от волнения горожан:

— Послушай меня, Кришн, брось эти глупые заты Конгресса и Ганди. В конце концов я твой отец и желаю тебе только добра. Разве не твой долг повиноваться мне?

Кришн Сингх был совершенно правостранен, если бы сын его слепо покоровался воле своих отца. Разве ты не знаешь, что если бы сын мой не встал бы в пещерах и одевался в звериные шкуры, высклал бы огонь из кремня и считал землю плохой, поклонялся бы солнцу, деревьям и земле? Отец, поверь мне, прогресс зависит от сыновей, которые не повиновались и встают против отца.

Кришн Сингх был поражен, услышав своей собственной голос, прозвонивший эти слова. Отец кричал:

— Вот! Я не желаю видеть тебя, я не хочу слышать твой голос.

Ну что ж, как хочешь. Ты никогда меня больше не увидишь! — сказал Кришн Сингх. Но у него было странное чувство: оно казалось, что он где-то уже видел эту драму и слышал точно такую же диалог... Быть может, он тоже «сходит с ума».

Он ушел, оставив отца одного.

VIII

Когда Кришн Сингх вернулся домой, в гостиной ярко горел свет, и двери были открыты, словно здесь кого-то ждали. Все находилось на прежних местах. Из золотых рам равнодушно смотрели предки. Кришна и любимая Раधा поглотены были своей бессмертной, вечной любовью. Мраморный Будда всепоклонно улыбался, и на бронзовых губах Ганди тоже сияла улыбка. Балоснована, туго наморщенная шалка Ганди все еще лежала на сейфе. Все было безмолвно, неподвижно и мертво, кроме календаря на стене, листки которого трепетали от ветра, как крылья невесомых птиц. Кришн Сингх стоял в комнате, тикавших как-то странно и многозначительно.

Кришн Сингх тушила лампы одну за другой. Скоро дом, роскошный, как дворец, погрузился в вневую темноту, словно гробница фараона.

Перевела Л. МОРОШКИНА.

Члены молодежной бригады имени Иванушина Валтер Риль, Герберт Шлотт и Вилли Бассе за ремонтом вагона.

ВСТРЕЧА В БИТТЕРФЕЛЬДЕ

Недавно в городе Биттерфельде, крупном промышленном центре Германской Демократической Республики, произошла волнующая встреча. Рабочие угольного комбината Гольдшейсиг приняли к себе в гости гостей — советских воинов. Особое удовольствие доставили члены молодежной бригады, которой руководит слесарь-новатор Вилли Бассе. У молодых рабочих были на этот счет особые причины.

— На угольном комбинате Гольдшейсиг первая молодежная бригада была создана по инициативе комитета Союза свободной немецкой молодежи в январе 1954 года. Одну из них возглавил Вилли Бассе.

В те дни газеты Германской Демократической Республики писали о благородном поступке советского воина из старшего лейтенанта Иванушина. Во время пожара в городе Наумбург он спас немощелого спас немощелого немощелого, вынес людей из огня, получил при этом сильные ранения. В госпитале Александера Иванушина постил премьер-министр ГДР Отто Готтвольф.

Вилли Бассе и его товарищи, желая выразить признательность советским воинам, назвали свою бригаду именем немощелого Иванушина. Они написали ему колллективное письмо. Через несколько дней пришел ответ. Он был опубликован в комбинатской газете «Ладне дело». Александр Иванушин благодарил молодых рабочих за оказанную честь и пожелал бригаде трудовых успехов.

С тех пор прошло около года. Многие трудности пришлось преодолеть коллективу в начале своего рабочего. Трое из шести членов бригады тогда томялись от оничини зловещего обучения.

— Но Иванушин нас не игнорировал, рассуждал в бригаде Вилли Бассе. Мы решили сделать по примеру советских людей: помогать друг другу.

Уже в марте бригада выполнила план на 105 процентов в течение рабочего года. Это больших успехов. В дни выполнения плана в Народный лагерь Германской Демократической

Республики молодежная бригада имени Иванушина отремонтровала свыше пяти вагонов. Вскоре на комбинат пришла радостная весть: в гости к рабочим должен приехать Александр Иванушин с группой солдат и офицеров. Гости приехали погонным утром. Встреча состоялась в просторном зале комитета Союза свободной немецкой молодежи. Советских воинов приветствовал слесарь молодежной бригады имени Иванушина Герберт Шлотт. Старшему лейтенанту Иванушину были вручены шахтерская лампочка, вышита и книга истории бригады.

Потом молодые рабочие показали своим гостям комбинат и, конечно, прежде всего заводскую мастерскую, в которой работает бригада Вилли Бассе. Здесь между гостями и хозяевами завязалась дружеская беседа.

Большие вопросы задавал Манфред Шрайер, смитерный работник Союза свободной немецкой молодежи. И это не случайно: ведь Александр Иванушин до службы в армии работал секретарем комсомольской организации на производстве.

Возмем все собраться в Доме культуры горняков. В

Большом зале лучшей антиквистской комбината администрация вручала премии. Когда на сцене появились молодежная бригада имени Иванушина, зал дружно зааплодировал.

Этой бригаде — сказал председатель, — присваивается звание «Лучшей бригады предприятия Гольдшейсиг» и передается переходящее знамя.

Затем председатель вручил всем членам бригады Вилли Бассе, Герберту Шлотту, Лотарю Шрайеру, Валтеру Рилью, Гансу Габстеманну и Лотарю Геллентцун медали «За высокую производительность труда» и денежные премии.

Приветствуя молодых немецких патриотов, Александр Иванушин сказал:

— Советские люди работают по принципу: «Сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня». Желаю и вам, дорогие друзья, никогда не останавливаться на достигнутом, все правды достигать вперед.

После торжественного собрания комитет художественной самодеятельности советских воинов дал концерт, который проишел с большим успехом.

Раставшая с гостями, горняки заверили их в своей решимости бороться за единую, миролюбивую, демократическую Германию.

Александр МАЛОШИН
Биттерфельд — Берлин.

Молодые рабочие угольного комбината Гольдшейсиг тепло встретили лейтенанта Иванушина.

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ

Большую всех на свете спорят, конечно, студенты. Спорят везде и обо всем; спорят потому, что решают основной вопрос, волнующий молодежь: как учиться и как жить? Но не все составляют исключения в этом отношении и студенты Харьковского института механизации сельского хозяйства.

Начинается лекция. Грisha Гриня, едва студенты успели выйти из аудитории, спросил Ваню Пометуну:

— Знают, ты считаешь, что техника курсовых проектов хуже работы?

Пометуну нахмурился: — Я не говорил, что хуже... Но у меня машины действовали на полях, а у вас на обычном.

И давний спор о курсовых темах разгорелся с новой силой.

— Мы же не будем выдумывать горячую воду, — сказал Ваня, — замешавшись в их разговор. — Нам их предложили!

— Моги бы и отказался, — отрезал Пометуну.

Споиричь с Пометуном не так-то просто. Для многих студентов учебные программы были непреложным, как закон. Но Пометуну никак не поддавался.

— Бензодол своих товарищей, что программы не всегда отвечают требованиям сегодняшнего дня.

Осуждал он и постановку практической работы в институте. И в этом была доля правды. Разве хорошо прошла технологическая практика на заводе «Серп и молот»? Безнадзорные приемы работы цальными слонялись по цехам, не зная, к каким делам заняться. Пометуну не могло удовлетворить такое бесполое времяпрепровождение.

В разговоре со старым товарищем, обтачивавшим ступиды для сеенокопилателя. Токвар собирался идти в отпуск, а заменить его оказалось некому. Узнав об этом, Пометуну предложил свои услуги.

— Администрация не согласится, — сказал токвар.

— А мы потрошим! — и двинувшись к начальнику цеха. Тот встретил практиканта удивленным взглядом:

— А где гарантии, что ты мне не сорвешь программу?

— Гарантии — перестроюсь Пометуну обижено и вдруг поднял свои примычные к труду руки. — Вот мои гарантии!

— Убедил, — расмешался начальник цеха.

Однако не все ребята отнеслись к решению Пометуны положительно.

— Ты будешь у станка стоять, и кроме него, ничего не увидишь, — говорили они, — а мы со всем производством познакомимся...

— Смотреть со стороны — это значит не видеть ничего, — ответил им Пометуну.

Вот тогда и начался горячий спор о том, как учиться, как проводить практику, чтобы она принесла больше пользы. Телеграф спор вновь разгорелся, на этот раз о курсовых проектах. Оказалось, что некоторым студентам доставлял темы курсовых работ по механизации.

— Разве это дело! — горячился Пометуну. — Будущим механизаторам придется готовить проект по основной специальности. Как же они станут потом работать? Каюе у них будут знания?

Как раз в это время в институте готовился встреча с выпускниками, ставшими ныне директорами

МТС, главными инженерами, заведующими ремонтных мастерских.

Почти месяц до начала комсомоло занимался составлением списков преподавателей, преподавателей на всех факультетах и курсах. Этот вопросник разошелся всем приглашенным.

Встреча происходила в актовом зале. Там собралась масса студентов. Пришли сюда и Грisha Гриня и Ваня Пометуну. Кое-кого из приглашенных они помнили. Но были среди приехавших и новые.

В институте нынче студенты застать не успели. Например, возле знакомого сына Ивана Шишко сидел плотный мужчина с суровым лицом и прелестными черными глазами. На его груди, привлекая всеобщее внимание, поблескивал орден Ленина.

Студенты ловили каждый слово говорящего и прислаивали один из приглашенных, — мы изучали машины, следя за указкой преподавателя. И отвечали ему мы точно так же: ты же учишь, называем, давай же — это так мало!

Разве врач сможет лечить людей, если он будет знать о человеке лишь то, что у него есть руки, ноги и голова? У нашей АЛЗ Врская своя, хоть и железная, но душа. Честно говоря, в институте меня не научили заглядывать в «душу» машин. Может быть, сам я был плохим преподавателем, но никак не брался за разборку и сборку какого-нибудь сложного узла. Не боится замарать свои руки, и ван будет легче, чем был янин...

Главный инженер машинотракторной станции рассказывал о том, как один из трактористов попытался однажды его обмануть:

— Как-то в горничную пору ехал я в одну из тракторных бригад. «Товарищ главный инженер, — окликнул меня тракторист, работающий возле створы дороги, — оловянка бродит у тебя в деревню. «Зачем?» «Друг у меня свадьбу играет...» Помните, самый близкий друг... Скажите, чтоб отпустил его, а то у меня нет никакого права. Поговорил с трактористом и, казалось, убедил его. Парень согласился, что оставляет трактор недалеко. Я поехал на свадьбу. Вскоре доняет меня на «Победу» секретарь райкома и спрашивает: «У тебя все в порядке?» Отвечаю, что все «А почему трактор стоит там?» «Около старой дороги. «Не может быть! Я только что отсюда!» Возвращаемся вместе. Действительно, стоит трактор, и вокруг него куча людей. Неужели, думаю, на свадьбу удрал? Попробовал трактор завести — не завелось. Осмотрел его: все цело, все на месте, все работает. Может, топливной аппаратурой что?.. Может, чех подстроил! Правда, прикасаться к топливной аппаратуре разрешается только нам, инженерам. Но если тракторист опытный, тогда другое дело... И как только предположил я, что он, шельмец, во всем разбирается, так и нашел причину поломки. Моторчик выключился. Основной проволочкой остановил огромную машину. Но секретарю райкома я ничего не сказал. Хотелось мне самому проучить этого тракториста. Призвали мы его на поле. На все вопросы он отвечает с сожалением: мол, я бы работал, да трактор разбился. «Что с тобой? Трактор один: «А не знаешь. Секретарь райкома начал коситься на меня: дескать, главный инженер-то должен знать, в чем дело. Но я продолжимо требую, чтоб тракторист завел машину сам. Минут десять позитивили мы друг с другом, а потом я оттаял тракториста в сторону и тихо сказал: «Убери то, что положило трактор в разряд, чтоб злость разгадала. Бросился к трактору, покрутился вокруг него минуты две — три, и мотор заработал...» Подумая я, что он никак не замесился бы он потом надо мной...

Рассказчик смолк. Его место на трибуне занял сосед Ивана Шишко, смуглый человек с орденем Ленина на выдвинутой груди.

— Вы прислали нам вопросы, на которые следует честно ответить, — начал он, — но мне хотелось поговорить как раз о том, чем вы не догадались спросить. А вопрос этот чуть ли не главный. Мы заканчиваем институт и в большинстве случаев сразу же подключаемся к производственной работе директоров МТС, главных инженеров, становимся руководителями. Если бы дело было только о машинах, которые, плохо ли, хорошо ли, но изучались, — нам было бы легче. Но руководителем приходится не машинам, а людям. Среди них встречаются и такие, как тот тракторист о котором мы выслушали рассказ.

А ведь никто нам об этом в институте лекций не читал...

Он помолчал немного и снова заговорил:

— Однако есть у нас наука о людях. Тихие, тихие! Сейчас я скажу... Вот один молодой специалист признает и почти с первыми днями работы об этом, с людьми, а другой прачется от них. Почему же такая разница? А потому, что один не боится общественной работы: была членом комсомольского комитета, профкома, агитатором, а другой старелся от всех нагрузок уклоняться. Один стал полноценным специалистом, как у нас, а другой не говорит — «слесню». Вот мне и хочется поблагодарить общественные организации института, неумишамые меня работать с людьми...

... * * *

Весной студенты четвертого курса проходили очередную практику. Семьдесят человек были направлены на целинную землю Казахстана, остальные остались в Украине. Задание для всех было одинаковое: освоить и внедрить квадратно-гнездовую посея кукурузы и подсолнечника.

Почти все ребята остались довольно результативными своей практикой. Доволен был и Ваня Пометуну, хотя он не ездил на целину, а работал в одной из практик бригады заповедника Волчанской МТС. Не однажды за время практики студенты вспомнили те полезные советы, которые дали им выпускники.

В комитете комсомола, куда после занятий студенты заходили поделиться своими впечатлениями, предложение, конечно, отдавали выпускники. На них смотрели так, будто оно только что вернулось по крайней мере из путешествия на Марс. Даже секретарь комитета Александр Шенченко, человек довольно мудрый и светловластный, и тот, слушающий восторженным рассказ Грisha Гриня, улыбаясь и говорил:

— Это надо записать... А ну-ка поехали и брался за перо, а поющий Гриня, жестикулируя, повторил уже медленнее:

— Первые дни ничего не получалось. В гнездо квадрата делалось по три-четыре зерна, а западало пятнадцать — семнадцать. Обращаясь к главному инженеру, Михаилу Дмитриевичу: так, мол, так! Или он мне отпустил, или брал пять минут инженер, решай сам. Такую сельву я тоже вижу в первый раз. Ну, и начал мы с Васей, трактористом, решать. Ден, решав, да решав. Наконец догадались, что все дело в перемешивании дисков. В них было восемь отверстий, а мы сделали четыре, да чуть-чуть сместили. Да еще добавили к ним фасочки... Начали сеять — получилось по норме: в каждом гнезде по три — четыре зернышка. — И Грisha, шепчущо поворачиваясь к своим товарищам, стал лезть в гнездо.

Ваня Пометуну внимательно слушал. Все, что рассказывал Гриня, было ему знакомо. Но когда трактористы стали говорить перед ним: Но одно было непонятно: как Гриня со своим трактористом Ваней хитрил, засевав по двадцать гектаров? Он, Пометуну, тоже пробовал увеличить скорость трактора, но при этом стали нарушаться квадраты.

— Хаваشته ты, Грisha! — сказал он.

Ваня спросил кого хочешь, — возражал тот. — Мы, брат ты мой, заменили передаточную шестерню, а потом уж увеличили скорость. Что мы не сделали?

Ваня Пометуну покраснел и напустился заменить передаточную шестерню он действительно не догадался.

Летняя практика — последний курс. Еще две короткие практики, а там дипломная работа — и здравствуй, жизнь!

Как быстро летит время! Казады совсем недавно они, молодые ребята, мечтавшие об институте, вошли в его стены. Пятый курс тогда казался таким далеким, а теперь уже так близко ступил его, пришла не сразу. К некоторым она не пришла совсем. За четыре года отлеялась шесть человек. Отсыпался, как при этом, не считая числа, желтого зноя отсыпавшаяся мякина.

С каждым годом жизнь в институте становится полнокровнее, организованнее. Выпускники остаются только одно: попрекнуть бывших студентических спрм...

Большее всех на свете спорят студенты. Спорт всегда и обо всем. Спорт Пометуну, что спешит навстречу жизни.

Студент-отличник 5-го курса Харьковского института механизации сельского хозяйства комсомолец Иван Кунденко свою производственную практику проходил на целинных землях Казахстана. Много интересного и поучительного узнал он за это время и теперь спешит поделиться опытом со своими товарищами. На с ним же: Иван Кунденко обсуждает с товарищами их чертежи.

Фото А. Моклецова.

Ежегодно московская фабрика «Диалфильм» выпускает до сорока диалогитивных фильмов, которые так пришлись по душе нашим школьникам. Темой для этих фильмов служат и увлекательные народные сказки и рассказы о выдающихся путешественниках, деятелях науки, искусства. Недавно диалфильмов создано по произведениям классиков русской литературы и советских писателей.

Недавно фабрика выпустила новый цветной диалфильм «Хождение за три моря», сделанный по сценарию Ф. Флорин, рисунки художника А. Турье.

В середине XV века на юго-западном берегу Каспийского моря лежало небольшое государство Шемаха.

Весной 1466 года группа тверских и московских купцов снарядила караван и водным путем, по Волге, отправилась в Шемаху. Возглавил караван смелый, предприимчивый купец из Твери Афанасий Никитин.

Начался шестилетний странствование Никитина по чужим краям. Вначале он пошел в Баку, «где огонь горит неугасимый», затем Каспийским морем переправился в Иран. Многие города посетил тверской купец и наконец прибыл в Ормуз, стоящий на берегу Персидского залива. Отсюда Никитин пошел по «Индийскому морю» в Индию.

Индусы не чудились русского путешественника, охотно знакомили его со своей жизнью. Все, что Никитин видел и слышал, он записывал в дневник.

Тоска по родине заставила Никитина в 1472 году отправиться в обратный путь. Трудные были возвращение. Целый месяц гонили бури отлогое судно и наконец прибило его к афганскому берегу. Только осенью Никитин добрался до третьего, Черного моря, но домой так и не вернулся: он умер в дороге. Товарищи доставили в Москву тетрадь Никитина, в которой он записывал свои впечатления. Эти путевые записки в позднейших изданиях получили название «Хождение за три моря».

Дневник Афанасия Никитина представляет большую ценность для науки. Никитин первым

из русских побывал в Южной и Юго-Восточной Азии. Он дал подробное описание нравов и быта далекой Индии за 25 лет до того, как путь в эту страну из Европы был открыт знаменитым португальским путешественником Васко да Гама.

Записки Никитина и послужили материалом для создания нового диалфильма. Основой всякого диалфильма является литературный сценарий, либо специально написанный, либо составленный по готовому художественному произведению, как было с картиной «Хождение за три моря». Текст сценария обычно готовится в виде так называемого кадроплана — раската, разбитого на отдельные кадры.

Художник А. Турье, ознакомившись с написанным Ф. Флорин кадропланом, начал тщательно изучать материал, характеризующий эпоху, в которую жил Никитин, костюмы, быт людей, архитектуру тех стран, где побывал тверской купец: затем раскрасил весь диалфильм — сделал пробные маленькие рисунки-эскизы. По ним можно было уже судить о композиции как всего диалфильма, так и каждого кадра в отдельности, о типажах героев. После этого художник сделал 30 законченных цветных иллюстраций по количеству намеченных кадров.

Следующий этап работы — съемка. Специальный фотоаппарат оформленные рисунки снимал на пленку. Получился негатив. Далее в копировальном отделе на особых фотоаппаратах машины отпечатали непрерывную позитивную пленку (каждую минуту такая машина выпускает 4 тысячи кадров). Потом пленку проявили, высушили и разрезали на отдельные кадры. Диалфильм готов.

Огромными тиражами выпускает фабрика свои фильмы. Каждый год только юные зрители получают до 6 миллионов экземпляров цветных и черно-белых диалфильмов. Они помогают школьникам в учебе, знакомят их лучшими произведениями литературы и искусства, расширяют кругозор.

На вкладах журнала «Смена» воспроизведены отдельные кадры из нового цветного диалфильма.

2. Беда подстерегала караван. Ночью у Астрахани на него навалил татары и захватили одно судно с товарами.

3. Никитин перебрался на корабль шемаханского посла. Посольский и купеческий корабли вышли в Каспийское море.

4. Вдвиг на море подулась буря. Легкое купеческое судно начало разбиваться о прибрежные скалы. Погибли все товары.

5. Никитин присоединился к купеческому каравану, движущему путь в богатый город Ормуз.

6. Спусти несколько месяцев Никитин добрался до Ормуза. Нюхозяева купцы там торговали шелками, слоистой костью, драгоценностями.

7. У купцов Никитин узнал, что в Индии дорого ценится конья. А здесь их можно дешево купить.

1. Афанасий Никитин, храбрый и умный тверской купец, возглавил торговый караван, который плыл по Волге в государство Шемаху.

8. Никитин поплыл в Индию на торговом судне через Индийский океан.

9. Через шесть недель плавания показались берег Индии, порт Чаул.

10. Никитин отправился на юге вглубь страны. Вскоре он подъехал к горной крепости Джунейр.

11. В Джунейре стража местного владыки отняла коня у Никитина и повела его во дворец.

12. Никитину обещали вернуть коня, если он согласится принять исламство. Никитин отказался. С тивальми мьяслими бродил он по городу.

13. В Индии Никитин видел на улицах туземцев зайей, обезьян и коров, которыми люди поклонялись, как богам.

14. В городе Вадри в невнятной роскоши жила султан. С богатой сингой он выезжал на прогулку.

15. Никитин побывал в священном городе Шрипарвати.

16. Долго путешествовал Никитин. Он изучил местные языки, подружился с бедняками Индии.

Дипломная работа А. Орлова.
Ленинградский институт живописи,
графики, скульптуры и архитектуры имени И. Е.
Репина.

Вызов на соревнование.

ВЕЖЛИВОСТИ И ПРЯМОТЫ

Редакция познакомила меня с письмом, пришедшим студенткой Грозненского педагогического института Ритой Барбаренко. Автор письма пишет: «...я плохо разбираюсь в таких понятиях, как вежливость и подальство. Если мне почему-либо не понравился человек, то я к нему отношусь грубо, считая, что относиться к нему вежливо — значит подальствоваться... Грубость и прямота — эти два понятия я не совсем различаю».

Письмо заставило меня задуматься. Скажу прямо, оно оказалось мне несколько неловким. Но с подобным явлением мне не раз приходилось сталкиваться и раньше. Молодые люди нередко путают вежливость и подальство, прямоту и грубость. А между тем эти понятия очень далеки друг от друга. И доказано, что некоторые люди этого не понимают.

Наше общество еще не избавилось полностью от пережитков прошлого. Одним из таких пережитков является подальство — зло, зародившееся в недрах старого мира, где все было построено на угнетении. Оно являлось средством приспособления к жизни, средством, с помощью которого отдельные люди пытались добиться личного благополучия.

Подальство унижает человеческое достоинство, уродует характер, делает людей способными на любую низость. Этого не желали лучшие мыслители человечества. Вспомните, как гневно обличал его великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. Он в наиболее четких и законченных образах подальство выведен Диккенсом, Урием Гилл из романа «Дэвид Копперфильд» — это образ, вызывающий омерзение и в то же время чувства боли за человека, который изуродован условным кодексом. Ведь именно окружающая среда делала людей такими грязными и низкими.

В наше время «классическим», чистой воды подальством является, конечно, труднее: у нас много условий, которые способствуют сближению людей. Однако как пережиток прошлого кое-где подальство встречается и сейчас. Они всячески маскируются, меняют свое обличье, но их подлая сущность остается прежней.

Как-то мне пришлось быть свидетелем сценки, когда молодой человек лебезил перед субъектом довольно неприятного вида и к тому же нетрезвым. Юноша усиленно интересовался здоровьем субъекта, спрашивал также о здоровье всех его домашних. Напряженная, сахарная улыбка не сходила с его лица. Немного позже молодого человека спросили: — Кто это? — Там, товарищ, один, шут гороховый. — Что же ты с ним так мило беседовал? — Нужный человек. Всегда может достать билет на футбол...

Если бы этому юноше сказали, что он ведет себя как подальство, то он, очевидно, не только обиделся бы, но и удивился. А между тем такой упрям был бы справедливым. Подальство чаще всего до притворности вежливо, но, как правило, только с теми, от кого считают себя зависящим.

Вежливость — это прежде всего уважение к другим. Подальство же не уважает того, перед кем заискивает. Он больше всего озабочен своими личными, корыстными целями и не думает об общем деле.

В развитии нашего общества огромную роль играют критика и самокритика. Но можно ли ждать от подальства настоящей, принципиальной критики? Разумеется, нет. Подальство испортит отношения с тем, кого надо критиковать. Под видом самокритики подальство подчас умышленно унижает себя, чтобы возвысить того, от кого он считает себя зависящим. Вежливый с начальством, подальство часто по-хамски относится к подчиненным. По

существу, подальство — это оборотная сторона хамства.

Приведу еще один пример из классической литературы. В пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» выведен персонаж Подальский, который вначале всесильно прижимал себя перед хозяином, поминутно лгнул ему. Это нужно было Подальскому для того, чтобы добиться своей корыстной цели. Но как только цель была достигнута, он стал обращаться со своим прежним хозяином пренебрежительно, грубо. Такова логика поведения подальства.

Для подальства вежливость — только маска, за которой он прячет свое отравительное лицо. Иное дело — вежливость советского человека, его учтивость, уважение к старшим. В нашем обществе вежливость определяется нормами коммунистической морали, она основана на принципах социалистического гуманизма, на чутком и внимательном отношении к людям. В вежливости выражается уважение одного человека к другому.

Автор известной книги «Пятьдесят лет в строю» генерал Игнатьев говорил: «Вежливому надо быть со всеми — как со старшими, так и с младшими, как со стариками, так и с детьми, а особенно с женщинами. Какими бы равными с нами правами женщины ни пользовались, мы не должны ни на минуту забывать, что она существует физически менее сильной, нравственно более чувствительной, что каждая неземная женщина может оказаться для другого человека или матерью, или женой, или во всяком случае самым дорогим на свете существом».

Прекрасные слова! И пусть их запомнит тот молодой человек, который, бывало, не успевал женщине место в трамвае или автобусе, отталкивал ее в толпе, бывал резок на слова в разговоре с нею.

Вежливость не может проявляться только временами, при определенных обстоятельствах. Она должна существовать человеку во всей его жизни, должна стать частью натуры. По-настоящему вежливый человек не будет делать различия в обращении с сильным и слабым, с начальником и подчиненным, с чужим и знакомым.

Г. ПРЕСМАН

ВНОВЬ
ЗА ПАРТОЙ

Для меня, друзья мои, сейчас
Кратчайшим путем, близким
А вот здесь, вояка не тая,
И простые школьные занки.

За работой на заводе я
К скоростям невнятным привик,
А вот здесь, вояка не тая,
Я за партой робкий ученик.

Не скрывая, говорю о том,
Что не так уж хороши дела,
Что пока еще с большим трудом
Изыскаю корень из числа.

Но могу уверенно сказать:
Собой добьюсь наверняка...
Ведь поможет мне вперед шагать
Бодрый поход скоростника.

К сожалению, встречаются еще люди, которые считают своей внешней вежливостью на людях соблюдение правил хорошего тона и в то же время способны совершать низкие поступки. Такой человек может подчёркнуто галантно поступить женщиной дорожку, а дома накричать на свою жену; быть предельно внимательным с малознакомым собеседником, но не считаться с соседями. У такого человека вежливость, к несчастью, Она как правило, лишь прикрывает лицо зомисте и лицемера, не уважающего людей.

Мне хотелось бы обратить внимание читателей на одну сторону во взаимоотношениях между людьми. Многие юноши и девушки, в том числе и автор письма, привиденного выше, считают, что неприязнь, которую они испытывают к кому-либо, дает им право относиться к этому человеку грубо. Это неправильная точка зрения. Каждый может чуждому и ясно выразить свое отношение к человеку. Но разве обязательно делать это в грубой и пренебрежительной форме?

Можно и нужно говорить с человеком прямо, открыто, но нельзя говорить с ним грубо. Грубость — это форма так же имеет между собой ничего общего, как вежливость и подальство. Грубость в обращении с людьми основана, как правило, на пренебрежительном отношении к ним и направлена на то, чтобы унижить человека.

Есть грубияны, которые оскорбительно обращаются с людьми, пользуются или своим служебным положением или тем, что человек в чем-либо зависит от них. Таких субъектов обычно быстро разоблачают и ставят на место.

Есть грубияны, которые отравляют нам жизнь в трамваях, магазинах, кино. Как правило, весь свой затаен они тратят на людей скромных и беззащитных. Они обидчивы, расценивают на свою беззаказность и, нужно честно сказать, не всегда получают от нас должный отпор. А ведь поведение подобных людей зависит не только от отношения к ним окружающих. Если не проводить много грубости, если давать ей отпор, то, безусловно, она очень и очень скоро исчезла бы совсем.

Едва ли юноши и девушки, которые отождествляют прямоту и грубость, имеют в виду те явления, которые я перечислил. Наша молодежь в подальстве большинства свободна от подобных пережитков. В молодежной среде чаще бытует грубость иного рода. Есть много молодых людей, которые развита, тонко, грубоватостью стараются подчеркнуть свою самостоятельность, «независимость». Я уже не говорю о такой «детской болезни», как резкое обращение подростка с родителями, братьями, из-за того, чтобы сверстники не считали его «маленьким сыночком».

Ответа юноша редко преподает, обречен мастер, нагорный дерзост секретари комсомольской организации — и убежден, что он человек самостоятельный и сильный. А при этом забыл, что самостоятельность завоевывается не тоном в разговоре. Еще несколько веков назад Шекспир говорил: «Напрасно думать, будто резкий тон есть признак правды, силы и смелости».

Я знаю молодого человека, который груб в отношении со старшими, с товарищами, с девушками. На мое замечание, что людям неприятно, он мне общается, он, пожим плечами, отвечает:

— Я человек современный, никаких старых интеллигентских штук не признаю.

Нет, не современный он человек! Молодой человек, наш злом обман был, вежливый и почтительный. В социалистическом обществе, где каждый человек является участником общего великого дела, грубости нет места.

Иное дело прямота — очень ценное и нуж-

«Ромео и Джульетта»: когда отвечал на вопросы студентов в Институте иностранных языков или стоял среди оживленной группы студентов Московского университета.

Но, пожалуй, лучше всего я понял страстность и благородный дух советской молодежи на встрече с рабочими Гауковского текстильного комбината. Когда рабочие и работницы, заполнившие большой зал, узнали, что к ним приехал английский писатель, они заставили меня выступить. Я никогда так расстроган глубоко и сердечным вниманием юной и девушек, которые окружили меня, прос надписей и автографов, и передавали мне записки с наилучшими пожеланиями на английском и русском языках.

Для иностранца рискованно делать какие-либо обобщения о людях Советского Союза, особенно сложными путями стремительно идущ вперед.

Некоторые достижения, конечно, можно заметить с первого взгляда: новое московское здание, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, величественный университет. Чтобы понять и разглядеть другие успехи грандиозного развития страны за последние пять лет, требуется время. Постепенно я начал замечать достижения в области архитектуры, в производстве товаров широкого потребления, в образовании, успехи которых стоят наравне с успехами великих новаторов, в создании Волго-Донского канала, в освоении целинных земель и в расширении колхозов. Сила и красота везде идут рука об руку. Огромные достижения в промышленности и сельском хозяйстве сочетаются с созданием больших возможностей для наслаждения прекрасным в жизни. И в этом, я заметил, молодежь принимает живейшее участие со всем присущим ей пылом и неутомимой жаждой жизни.

Мне кажется, лучше всего закончить эти заметки мои заметки воспевающим об Октябрьском празднике, в котором сочеталось все, что я пытался понять.

Отцы и матери с детьми на плечах, молодые пары, крепко взявшиеся за руки,— юности и девушки, в глазах которых светилась радость нового мира. Колонны шумной и в то же время гармоничной жизни шли одна за другой— море людей, совершенно различных в своих движениях и проявлениях, но идущих вперед, к одной цели.

Эту картину можно передать только отдельными, отрывочными набросками. Все время меняющиеся и повторяющиеся сочетания красных, зеленых, синих, золотых флагов, масса ярко раскрашенных бумажных цветов, которые издали нельзя отличить от настоя-

щих. Они комкались в руках людей, идущих вперед несомненным потоком, пропыхавая мимо в форме звезд, шаров и букетов... И снова ряды флагов, движущихся от Исторического музея к площади, словно сама непобедимая жизнь народа, возникающая из земли. И затем—отдельные лица, освещенные ярким светом, лица, на которых отразился весь внутренний мир человека в момент ликования и уверенности: лицо старика, который с удовлетворением оглядывается на долгую вереницу прожитых тяжелых лет; удаленное и счастливое лицо ребенка; юное лицо молодой девушки, чистое и сверкающее.

И опыт перекрещивающийся и меняющийся ряды жизни, гордо идущей вперед со знаменами.

Больше всего мне запомнились цветы, искусственные цветы! Они были так ярко раскрашены, что побеждали серые и коричневые краски ноября. Когда эти цветы несли моло-

дежь, они казались такими свежими и живыми, что в определенное забыла серое небо и холодный ветер, и мне казалось, что я присутствую на весеннем празднике. Но потом я понял, что тепло и обновление исходят не от искусственных цветов: это тепло и обновление рождены великой новой жизнью осенью 1917 года, когда русский народ получил всё, принадлежавшее ему по праву.

Это весна человечества, вечно обновляемая внутренним огнем— силой света и тепла, пропыхавшим сквозняком ветра и холода.

Весна в ноябре, разговор с мальчиком на берегу озера— вот примеры огромной созидательной силы советских людей, строящих новый мир. Все эти успехи радуют поэта, откуда бы он ни пришел. Он узнает в них свои мечты и стремления, представшие перед ним в такой конкретной форме, что ему хочется отдать им свой поэтический дар.

Перевод с английского.

Джек Линдсей беседует с артистами Московского театра сатиры — исполнителями главных ролей в пьесе «Судья в лужу» Генри Фальдинга.

Лесли РАЙС

ЗА ГОДОМ ГОД

Я много поту проливал,
трудясь за годом год,
Я много поту проливал,
трудясь за годом год.
Работал я на Богачей,
и дыла пот мой, как ручей...
И много мне еще попеть,
покуда смерть придет!

Я много пашен распахал,
трудясь за годом год,
Я много пашен распахал,
трудясь за годом год.
Пахал я в зной и под дождем,
мне гулел осенний гром...
И много мне еще пахать,
покуда смерть придет!

Я много подоня коров,
трудясь за годом год,
Я много подоня коров,
трудясь за годом год.
Коровы были не мои—
задаром молочко доню!
И много мне еще донить,
покуда смерть придет!

Я много релсов проложил,
трудясь за годом год,
Я много релсов проложил,
трудясь за годом год.
Я уложил сто тысяч шпал,
в сам домой пешком шагал...
Еще мне много релсов класть,
покуда смерть придет!

Я много стачек проводил,
борясь за годом год,
Я много стачек проводил,
борясь за годом год.
Грозили мне со всех сторон,
лул дубинкой фараон...
Еще мне много бастовать,
покуда смерть придет!

Одну я истину узнал,
борясь за годом год.
Одну я истину узнал,
борясь за годом год.
Пусть мучат нас и гонят нас,
но вечно жив рабочий класс,—
придет его победы час,
вот ей-же-ей! придет!

Перевалы с английского
С. БОЛОТИН и Т. СИКОРСКАЯ

Фамильная честь

Фото
А. Сергеева.

Немало зим минуло с тех пор, когда скромный московский чертежник Николай Струнников поразил мир своими невиданными победами на катках России и Скандинавии, но имя его не забыто. Ежегодно, по установившейся традиции, сильнейшие спортодyssey Москвы выходят на старт, чтобы ослепить приз имени Струнникова. И каждый, кому доводится участвовать в этом состязании, — будь то опытный спортсмен или новичок — с особым волнением выходит на лед.

Стать победителем в соревнованиях на приз знаменитого спородyssey — это значит принят эстафетную палочку русской конькобежной славы. Легко представить, какое чувство испытывала молодая конькобежка, слушатель Военно-артиллерийской академии Юрий Сычевый, когда судья объявил его победителем забега на 500 метров, забега, в котором разыгрывался приз Струнникова. Это произошло в одно из декабрьских воскресений позапрошлого года на стадионе «Динамо». В тот же вечер на занятии опытной беговой дорожке другого столичного катка — «Красное знамя», где разыгрывался приз газеты «Советский спорт», победительницей оказалась Лена Сычевая. И в этот же день на ледяном кольце стадиона «Труда» первая пересекла линию черты Финиша девочка-подросток Лидя Сычевая.

Немало пришлось в тот день пережить отцу конькобежцев Сычевых, слесарю одного из московских заводов Ивану Ивановичу Сычевому.

Уже с утра Ивана Ивановича одолевала забота: за кого ехать «болеть»? Надо бы ехать туда, где выступает сын, ведь ему предстояло мрвиться силами с известными мастерами, но сердце трепыхалось и за Лену с Лидой. Поразмыслил, он все-таки поехал туда, где Юрий защищал спортивную честь семьи Сычевых. Глядя на легкий, плавный бег сына, Иван Иванович невольно вспоминал свои молодые годы, когда он был одним из лучших конькобежцев клуба «Красные Сокольники».

Вечером в маленьком домике на тихой Охотничьей улице в Сокольниках Иван Иванович встретил младшую дочь, Лидя, радостной восторгом.

— Палочка, выиграла!
Более сдержанная, спокойная Лена молча протянула отцу золотисто-красную грамоту.

Когда все улеглись спать, Иван Иванович вынул из комоды заветную тетрадь — «Фамильную спортивную летопись», как шуточно называют ее в семье, — и

надев очки, сделал очередную запись.

Аккуратно, день за днем, он отмечает в этой тетради каждый шаг своих детей на пути к спортивному мастерству. Из записей можно узнать, когда Юрий установил впервые рекорд страны для юношей, можно узнать и о более скромном событии — первом выходе Лиды на лед на коньках.

Иван Иванович перелистывает поинтереснее страницы «семейной летописи». Далеко не все записано в ней. Разве расскажешь в этих скупых заметках о том, как шифовались характеры детей-спортсменов, сколько труда потрчено им на то, чтобы достичь таких результатов и вместе с тем сохранить в школьных табелях и студенческих зачетных книжках только пятерки и четверки?

...Это началось еще в суровые годы Отечественной войны. Жили Сычевые тогда в Раменском. Юра, хоть и мал был, а в доме парадель помощником маляра дров принесет, за хлебом сбегает в магазин. Отец работал по две смены, в душе крепко переживая, что не может повести сына на каток. И как же он был измучен, когда однажды вечером Юру! В старенькой, с короткими рукавами шубею, сыннишка старательно шаркал ногами по льду. К большому, не по размеру, валенкам были прикручены веревочками коньки, огромные, потемневшие от времени, все в зазубринах и вмятинах.

— Где ты такие страшные раздобыл! — спросил отец.

— На базаре у одного дедушки.

С этими «страшными» Юра расстался только после войны, когда отец подарил ему беговые коньки. Юра и тому времени был уже немалым конькобежцем: учеба на Раменском озере шлая впрок.

Первым его наставником и учителем был отец. Все, что знал и умел, он старался передать сыну, но вскоре над Юрой взял шефство более опытный учитель. Однако зимним вечером к Юре Сычевому забегал его другини — Толя Новосолов и Юра Демин.

— Бери, Юрка, коньки, айда на каток!

По дороге они рассказали: — Эх и тренер хороший на «Труде» появился! С ним позаниматься зиму — все рекорды пошьешь.

И действительно, Анатолий Михайлович Крюков оказался хорошим тренером. Он так любил свое дело, так умел походить и владеть из своим лютошница, что сразу завоевал симпатии ребят.

Среди болельщицон с секундомерами в руках всегда можно увидеть Ивана Ивановича Сычевого с его другом Виктором Николоевичем Широковым.

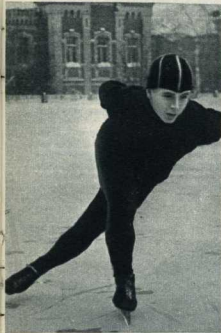
С этого времени Юра и стал по-настоящему заниматься конькобежным спортом. Как-то получилось так, что с ним пошла в школу Лена. Сначала ребята отослались к ней свисока: дескать, ничего здесь девочке делать. Но «двучонка», которая уже давно тайком бегала на старых коньках брата, на уступала на льду мальчикам.

Еще учась в школе, Лена стала инструктором-общественником.

Анатолий Михайлович Кротков взял и ее под свою опеку.

Мать Александра Александровна только всплеснула руками, когда узнала, что старшая дочка тоже пошла по стопам Юрия.

После занятий в здании Юрию особенно приятно скользить по льду.

Под горячую руку досталось и Ивану Ивановичу: «Это все твои затыл! Ну, я понимаю, мальчишке это еще простительно, но девочке!» А девочка упорно продолжала ходить на коньках, быстро постигала «секреты» конькобежной техники. В первую же зиму она добилась звания конькобежца третьего разряда.

Но за Юром все же угнаться

было трудно. К концу 1952 года в таблице московских рекордов для юной четырежды повторился его имя, удалось ему поднеть «постолок» и одного рекорда страны.

В эту осень Юрий расстался с Анатолием Михайловичем. Отлично выдержав экзамены, он поступил в Арктиклерийскую академию имени Дзержинского.

Его место в спортивной школе общества «Труд» заняла самая младшая представительница спортивной семьи Сычевых, Лидя. Провожая ее первый раз на тренировку, Иван Иванович погрозил пальцем:

— Смотри, на уроки фамильную честь! Лена охотно помогала младшей сестре овладевать «азимии» конькобежной техникой. Кроме того, выполняла комсомольское поручение, она стала тренером-общественником по конькам в своей школе. Два раза в неделю вместе со своими подружками она приходила на каток и много тренировалась: ей никак не удавалось добраться до второго разряда.

Всему виной были досрочные повороты. На прямой девушка шла хорошо, а вот на вираже теряла драгоценное чувство ритма, сбивалась. Какая-то непреодолимая сила выталкивала ее от центра — внутреннего оббеда дорожки — к середине. Большая радость была в доме Сычевых, когда Лена наконец справилась с поворотами и сумела пройти «заколдованную» 500-метровку за 52,5 секунды. Второй разряд был завоеван! Но Юра снова ушел вперед: его грудь укрывал уже значок перекресторядника.

Зима принесла новые победы. Юра вплотную подошел к званию мастера. Только полтора очка не хватало ему, чтобы завоевать это почетное звание. С таким результатом, которого достиг он, несколько лет назад можно было стать чемпионом страны. Лена стала победительницей первенства Москвы среди девушек старшего возраста. Скоро добьется второго разряда и Лидя.

Лето для Сычевых тоже не прошло даром. Они участвовали в кроссах, играли в волейбол,

Старший брат охотно передавал свое мастерство Лиде.

катались на вальсонедах. Большое событие произошло в жизни Лены: она стала студенткой Московского энергетического института.

Как только грянули первые морозы и спортивные площадки покрылись ледяной броней, Сычевые вновь вышли на катки.

Приз открытия нынешнего зимнего сезона в Москве выиграла Лена.

Можно не сомневаться, что Сычевые и в дальнейшем не только не уронят фамильную честь, но сумеют защитить и честь своего коллектива, города.

Вик МАРЬЯНОВСКИЙ

Рисунки Ю. Федорова.

Спортивное промчалось лето. На стадионе бещет лед. И мотобобуэт Эстафету Лихой бегун передает — Неси вперед ее, смельчак! Поклясьваться, брат, нельзя!

О, лыжники, мы помним твердо. Какой заслуженный успех. Какие славынные рекорды. Принес вам прошлогодний снег. Но снег остался прошлогодний. А мы рекордов ждем сегодня...

Вас, хонистов, не вчера ли За рубежом страны своей «Учениками» называли? Вы превзошли учителей. Ну что ж, товарищи, пора Переходить в «профессора!» Пусть ваши Родина гордится! Когда мы, разстроганный до слез, Со стадиона удалимся

Седой болейший дед Мороз, Спортивной славы эстафету Верните чемпионом лета!

В. БЕРЕСТОР

АТОМ НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕКА

В 1920 году, во время составления плана ГОЭЛРО, старейший русский энергетик Г. М. Крижановский, обобщая работы передовых ученых, писал: «Мы подошли к последней грани. За химической молекулой и атомом — первосоставом старой химии — все явнее обрисовывается ион и электрон — основные субстанции электричества; открываются ослепительные перспективы в сторону радиоактивных веществ. Химия становится отделом общего учения об электричестве. Электротехника подводит нас к внутреннему запасу энергии в атомах».

В настоящее время мы уже вступили на путь использования титанических сил атома. Наука, подобно мифическому Прометею, похитила у природы секрет производства исполинских количеств энергии.

Событием громадного исторического значения был ознаменован прошлый год: советские ученые и инженеры успешно завершили работы по проектированию и строительству атомной электростанции мощностью 5 тысяч киловатт. Электростанция дала ток для промышленности и сельского хозяйства прилегающих районов. Этим сделан первый реальный шаг в деле мирного использования атомной энергии. На очередь поставлены следующие задачи. Уже ведутся работы по созданию атомных электростанций мощностью до 50—100 тысяч киловатт,

решаются вопросы дальнейшего практического использования достижений атомной физики.

Открытия, сделанные за последние время, показывают, что до сих пор мы использовали лишь миллионные доли энергии, которая содержится в любом веществе. Вот несколько примеров. При сжигании грамма угля мы получаем тепловую энергию, равную 8 большим калориям. А внутриатомная энергия, заключенная в том же грамме угля, в 2700 миллионов раз больше. В одной только капле воды заключено атомной энергии (в переводе на электроэнергию) почти 1,5 миллиона киловатт-часов. А ведь каждый киловатт-час электрической энергии при определенных условиях заменяет часовую работу более 20 человек.

Все это, конечно, пока лишь теоретические расчеты, поскольку мы еще не научились практически широко использовать атомную энергию.

Советская наука упорно ищет рациональные пути преобразования ядерной энергии в такие виды, которые были бы применимы в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Уже сейчас можно ясно представить себе различные формы будущего использования в области строительства и горного дела атомных взрывов. Сила их действия огромна.

Применение атомной энергии в мирном строительстве позволит исправит многие «осколки» природы. Например, взрыв так называемых Тургайских ворот откроет путь сибирским рекам на юг, в Среднюю Азию и Казахстан. Здесь раскинулись сотни миллионов гектаров пустынь, выжженных знойным солнцем. В будущем, когда советские инженеры приведут ток воду, эти засухлившие земли сделаются скадочно плодородными.

Путем комбинирования, направленных массовых взрывов грунта можно в течение нескольких минут строить исполинские плотины, создавать целые горные хребты или же, наоборот, вскрывать на большой глубине месторождения полезных ископаемых.

В нашей стране имеются огромные резервы еще не освоенной территории. Самые обширные из них, пожалуй, — это районы дельной мерзлоты. Решающим фактом в их преобразовании будет принадлежать атомной энергетике.

Некоторые технические идеи, связанные с использованием атомной энергии, имеют огромное международное значение, однако они несочленимы в условиях капитализма. Есть, например, планы орошения таких пустынь, как Сахара, и других, планы сооружения в Гибралтарском проливе колоссальной гидроэлектростанции, создания сверхуростной электрической дороги Лондон — Париж — Берлин — Варшава — Москва — Пекин. Еще более грандиозным проектом является строительство плотины в Беринговом проливе. Она связывает комплекс сооружений, которые направят теплые течения Тихого океана в Северный Ледовитый океан, чтобы утеплить территорию Заполярья. Осуществление этого изумительного инженерного замысла было бы равноценно открытию новых континентов и послужило бы невиданному росту богатства народов.

Однако во многих отраслях народного хозяйства использовать всю огромную силу энергии, заключенную в атоме, в виде взрыва невозможно. Поэтому сейчас основная задача науки заключается в том, чтобы научиться управлять скоростью ядерных реакций, регулировать их интенсивность. В этом направлении уже достигнуты большие успехи.

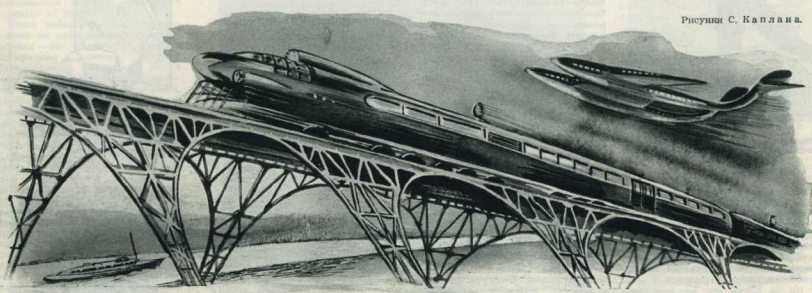
В настоящее время атомную энергию получают в специальных атомных котлах, где протекает ядерная реакция с выделением большой массы тепла. Это тепло в паровых или паровых турбинах превращается в механическую энергию, а затем — в электрических генераторах — в электричество. При этом количество «топлива» намечается не экономями, а граммами.

Возможны и другие схемы превращения атомной энергии в электричество, но указанный выше способ пока является наиболее реальным.

Атомные электростанции могут строиться в любых пунктах страны. Но для того, чтобы обезопасить население от радиоактивного излучения, они будут, вероятно, располагаться вдали от населенных пунктов и под землей. Сейчас атомные котлы окружались толстыми бетонными стенами или стальной броней. А загрузка, выгрузка котлов и управление ими полностью автоматизированы.

Велики ли возможности атомного топлива? Практически они неограничены. Если теперь атомную энергию добывать путем деления неустойчивых ядер урана, тория, плутония или синтеза ядер гелия из ядер водопорода, то в будущем мы научимся, освободить

Рисунок С. Капалана.

энергию из большинства веществ с устойчивыми ядрами.

Всем известно, какие непреодолимые препятствия ставит перед современной авиацией, транспортом, флотом необходимость при длительном рейсе иметь запас горючего.

А что может дать применение ядерного топлива? Двигатель с коэффициентом полезного действия в 20 процентов будет расходовать ядерного горючего (урана) всего около одного грамма на 5 тысяч лошадиных сил в час. В условиях, когда вес горючего будет ничтожен, мы сможем добиться исключительных скоростей и дальности полета. Гигантские самолеты, летающие со скоростью более тысячи километров в час, будут в состоянии без посадки обогнуть земной шар. Огромному пароклозу каппы ядерного горючего будет достаточно для того, чтобы пережить океан.

Особое значение атомная энергия приобретает в сельском хозяйстве. Дешевая электроэнергия поможет решить все задачи водоснабжения и орошения засушливых и прустынных земель. При помощи атомного двигателя будет окончательно решена и проблема широкой автоматизации и телемеханизации сельскохозяйственного производства.

Однако следует подчеркнуть, что практическое использование атомной энергии является, как это отметил академик А. Н. Несмеянов, делом новой эпохи, и старые способы производства энергии будут существовать в атомной энергетической так же, как паровоз рядом с электровозом.

Сейчас мы потребляем огромное количество нефти, угля, сланцев. В будущем мы сможем использовать эти последние ископаемые исключительно как сырье для химической промышленности.

При помощи атомной техники мы сможем приступить к осуществлению заманчивых химиков: к взаимному превращению тех элементов, которые сейчас известны ученым. Любопытно заметить, что в средние века алхимики тоже стремились к подобному делу. Они искали «философский камень», который смог превратить неблагородные металлы в благородные: ртуть — в золото, простые камни — в драгоценные, например, угли — в алмазы. Сотни лет алхимики тщетно бились над решением этой задачи. Их усилия вызывают симпатичные улыбки у химиков нашего времени.

Однако в 1927 году ученые уралец удивительную новость: при помощи атомной энергии из золота из ртуть! Анализ подтвердил, что это — действительно чистейшее золото, но, увы, лишь то, которое содержалось в ртуть. Из 5 килограммов ртуть было получено около миллиграмма золота.

Оказалось, что секрет решения проблемы превращения элементов находился «за семью печатями» — внутри атома.

Умение изменить структуру атома, заряд его ядра и количество электронов дает нам возможность произвольно создавать химические элементы. И если теперь промышленность пользуется 150 видами сырья, то в будущем за счет преобразования химических элементов и получения различных новых синтетических веществ производство невольно расширится.

Нет также отбоя народонаселения, куда новая атомная техника не несет с собой подлинно революционного переворота.

Производство атомной энергии в СССР ведется в самом широком в мировых промышленных целях. Но советский народ пристально следит за всеми маневрами поджигателей второй войны. Его не запугать атомными и водородными бомбами. Советские Вооруженные Силы, стоящие на страже безопасности нашей Родины, владеют новейшими видами оружия и дадут сокрушительный отпор всем захватчикам.

Если атомная и водородная бомбы в руках империалистов служат делу развязывания войны, то для нас это грозное оружие является эффективным средством охраны мира. Советское государство глубоко заинтересовано в том, чтобы этот новый вид энергии использовался только в мирных целях, на благо народов.

Применение атомной энергии безгранично расширяет власть человека над стихийными силами природы, откроет перед человечеством колоссальные возможности роста производительных сил, технического и культурного прогресса, увеличения общественного продукта.

Рисунки Л. Хайлова.

Их было пятеро: воюдал с двадцатипятилетним стажем, коммунист Григорий Старчак, комсомолец Виктор Дроздов, Александр Ештокин, Василий Макаренченко и Михаил Ноженко.

Уже четвертые сутки они находились в открытом море на расстоянии десятков километров от берега, в самом конце стальной эстакады. С одной стороны наступали льды, с другой — огромные волны. Десятибалльный шторм переживал веревы эстакады водные течения, морская одежда моряков на жгучем морозе покрывалась ледяной коркой, но люди продолжали стойко защищать доверенное им сооружение. Три дня и три ночи...

А на четвертые сутки пришла беда. Под стремительным напором льдов рухнула часть эстакады, образовав крошотный металлический островок на погнувшихся стальных сваях.

А льды все теснее смыкали кольцо блокады вокруг свай, грозя снести их. Оставаться здесь нельзя было ни одной минуты.

Подъем по нефтепроводу, — сказал Григорий Старчак. — Другого спасения нет...

Молодые воюдалы взглянули на нитку трубы, уходящую по направлению к берегу, и каждому из них стало не по себе. Нефтепровод диаметром в сорок сантиметров тянулся над самой водой. Он был весь покрыт коркой льда. И по такому пути нужно было двигаться 40—50 метров до уцелевшего участка сооружения.

— Будем ползти по трубе, — предложил Старчак.

Он первым лег на скользкую поверхность трубы, обхватив ее руками. Его примеру последовали остальные.

Если бы кто-нибудь взглянул на них в это время со стороны, то подумал бы, что пятеро людей застыли на темной нитке нефтепровода — так медленно продвигались они вперед. Мороз обжигал руки, неровная поверхность льда ранила ладони. Каждый сантиметр давался с трудом. Уже ползая по льду они по трубе, а преодолевали только треть пути.

Внезапно раздался сдавленный крик. Александр Ештокин повис на руках над бездной. И сейчас же рядом с ним оказался Григорий Старчак. Рискуя сам вот-вот свалиться с трубопровода, он помог товарищу подняться наверх и долго еще не находился рядом с ним, пока тот не отдохнул.

Силы иссякали. Казалось, невозможно

больше оторвать от трубы окончившие руки. Но люди ползли дальше и дальше.

Прошло полтора часа, пока Григорий Старчак первым добрался до узенькой металлической площадки. Это obligated положение остальных. Не переводя дыхания, Старчак стал помогать товарищам, бросая веревку и поднимая замерзших моряков на эстакаду.

Теперь пятерка хребтов находилась в отшельнической безопасности. Они достали из вещевых мешков продукты, подкрепились, расстелили одеяла, замерзшие руки.

Но неожиданно на воюдалов обрушилось новое, еще более суровое испытание. Ветер резко изменил направление, порывы его стали более сильными. Наползла одна на другую, льдины снова устремились на горстку отважных.

Раздался огулительный треск. И вновь пятеро воюдалов очутились на крохотном металлическом островке, окруженном льдинами. Но на этот раз их положение было хуже: трубопровод в сторону берега оборвался.

Дороги нет. В ледяной воде льды нельзя, а на льдинах ждет ария смерти. В то же время в любую минуту и этот металлический островок может рухнуть.

— Выкутру трубу на горизонталь! — вдруг закричал Виктор Дроздов.

Вскоре показался серый дымок корабля, как бы застывший на месте. Но как подать сигнал? Нет ради, нет ракет...

— Толковые шашки! — воскликнул Василий Макаренченко.

У воюдалов были с собой толковые шашки для обычных северных работ. Три шашки — три световых сигнала! — почти по международному коду. Если на пароходе заметит, то приду на выручку.

Через несколько минут шашки запылали. Замерзшие они на корабле или нет? По-прежнему дымок стал расти. Заметили! Вскоре стали видны и контуры корабля.

Пароход не смог подойти вплотную. С борта бросили трос. Старчак ловко поймал его и подтянул к металлическим переплетам. Один за другим по тросу воюдалы перебрались на борт.

...Давно восстановлены прорванные льдами звенья гигантской эстакады, на которых боролась с морской стихией воюдалы. И снова отважные люди помогают нефтяникам уходить все дальше в море, снова несут они будничную службу.

Л. ПОЛОНСКИЙ

Ю. НОВОСЕЛЦЕВ

НОВЫЕ КРЫЛЬЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1. УДИВИТЕЛЬНАЯ КИНЕМАТИКА ИЛИ ТЕХНИЧЕСКАЯ УБОГОСТЬ!

В малом зале Академии наук шло заседание. Профессор Рябчинский, крепко сжав пальцами бархатные подлокотники кресла, встал, обратился в слух. Он не видел ни сидящего рядом седого розовошеюго Фадеева, с радостным изумлением смотревшего в упор на докладчика, ни академика Виктора, уже в третий раз одобрительно восклицавшего:

— Bravo! Bravo, товарищ Вершинин! Молодой инженер говорил о новом ветродвигателе, необычном и в то же время поразительно простом.

— Как видите,—показал Вершинин на стоявшую у стола модель,—здесь шесть эластичных крыльев, которые вращаются вокруг вертикальной оси. Устройство, совершенно не похожее на обычные крыльчатые ветродвигатели...

Вершинин чуть толкнул одно из крыльев. Легкое ветрокопесо сделало плавный оборот.

— Еще толкните, Георгий Петрович,—вдруг попросил доктор Фадеев,—еще разок, пожалуйста. Удивительная кинематика!

Тут профессор Рябчинский не выдержал, встал и быстро заговорил:

— Кинематика... Меня удивляет не кинематика... Вы серьезный ученый, Николай Иванович, а при-

даете значение давно отвергнутым системам. Ведь это старинный карусельный ветряк! Убогость!.. А у нас есть технические совершенные ветропосоные установки.

Рябчинский решительно подошел к доске, окинув пренебрежительным взглядом молча посторонившегося Вершинина. Быстро набравшись мелом небольшие схемки, он отрывисто говорил:

— Вот! Тот же древний карусельный двигатель, только несколько иной формы: тех же шест, да поквасе эластич. Оплошьте проблеме сращения... Если конструкция Вершинина не отвергнем мы, ее жизнь отвергнет,—холодно завершил он свое выступление.

Ассистент Рябчинского поднял руку, но академик Виктор с досадой сказал:

— Начинать споры по этому вопросу бесполезно, товарищ Гавадаков. Наше заседание принимает неверное направление. Двигатель Вершинина прошел этап экспериментов. Есть решение значить серийный выпуск новых ветропосоных установок. Они практически эффективнее и дешевле существующих. Вопрос лишь в том, какой мощности их строить.

Смею считать,—возразил Рябчинский,—что вопрос значительно шире! На складах есть в наличии пять тысяч обычных ветропосоных установок. Что прикажете с ними делать?

— Думаю,—спокойно ответил

академик,—придется использовать одновременно с установками Вершинина. Они не так экономичны, однако в огромном советском хозяйстве найдут применение. А устаревших установок больше строить не будем.

Гавадаков промолчал Рябчинскому: — На данном этапе Вершинин победителю. — Этановпереди еще много,— тихо ответил Рябчинский.— Мы будем бороться оружием логики и фактов.

Академик Виктор, чуть повысив голос, закончил:

— Итак, начинаем строительство согласно рассмотренному проекту. Наблюдение за постройкой ветродвигателей Вершинина поручаем профессору Фадееву. Подготовку установок к приемке правительственной комиссии есть предложение поручить профессору Рябчинскому.

Рябчинский вскопчил и растерянно промолвил:

— Прощу прощения, я не отказываюсь, но отвечать за подобную конструкцию не могу.

Академик улыбнулся и успокоил:

— Отвечать за свои участки будет Вершинин. Ваше дело — помочь молодому конструктору.

2. КОНЕЦ МЕРТВОГО ЦАРСТВА

Выехав из ворот небольшого аэродрома, автомобиль катил к берегу реки прямо целиной, по земле, уже начавшей трескаться от бесплодного июльского солнца. Под колесами сухо шуршала чхлая, посеребренная от пыли трава.

— Мертвое царство,—заметила профессор Рябчинский, покосившая головой.— И нет еще такого волшебника, который мог бы его пробудить.— Он поожил руку на плечо Вершинина и невесело добавил:— Создать и пустить в действие принципиально новый ветродвигатель очень трудно. Я желаю вам успеха. Но как специалист продолжал оставаться оптимистом. Боясь, мы будем свидетелями творческой неудачи.

Автомобиль осторожно гнулся на временный деревянный мостик, перекинутый через неширокое, пока еще сухое русло недавно прорытого канала. Выдаеве прямо по краю канала медленно пошла тяжелая машина на гусеничном ходу. Она врезалась в землю гонимой грудью, пожелой на два гигантских, круто изогнутых темза. После машины оставались готовые ложке канала с высокими откосами по бокам.

— Вода в каналах будет почти на метр выше, чем уровень воды вокруг,—поискал Вершинин.— И мертвая теперь земля даст вскоре колхозникам с каждого гектара по семидесяти центнеров риса.

Автомобиль остановился к стройке. Над рекой все выше вставали стальные мачты, вокруг которых в ослепительных вспышках электросварки резко обобщивались легкие фермы ветрокопесов. Стометровые стройные мачты в стальном кружевом одеянии тянулись вдоль берега. Между ними под круто изогнувшимся пролетами низкого проеса возмущались на временных рельсовых путях передвижные монтажные башни.

— Эти башни,—показал рукой Вершинин,—предложива установить одна монтажная, удивительно боевая и одаренная девушка. Зовут ее Тамей.

— Вы нам ее покажете?—с интересом спросил Гавадаков. — Обязательно! Тамя Головоко—бригадир первой установки. Тула мы и едем.

Обходя одну из четырех мощных бетонных колонн, на которые опирались стальные мачты ветродвигателя, Вершинин сказал:

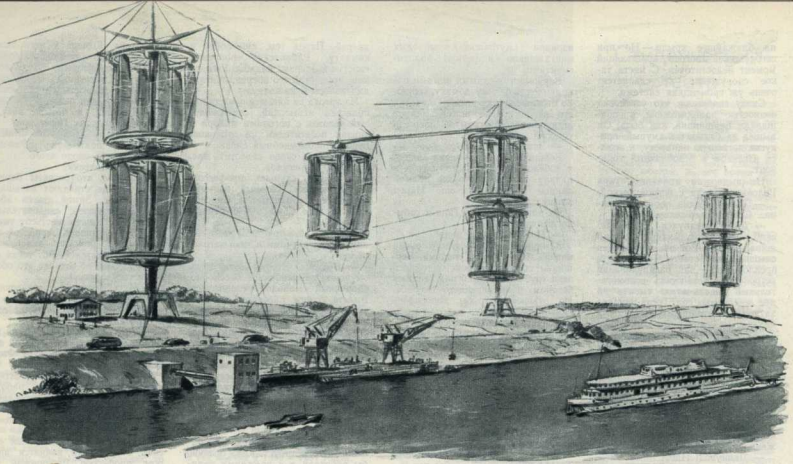
— По этой лестнице мы поднимемся на площадку основания. А оттуда до самой вершины мачты—лифтом.

На широкой бетонной площадке, огражденной фигурными, литого чугуна перилами, он поодоровался с молодыми монтажниками и пошел своих спутников к узкой двери в мачте. Диаметр мачты у основания достигал трех метров.

Звонящаяся конструкция—несколько отдал должже Гавадаков.

Рисунок А. Катюковского.

Укая, тестируя для трюк кабин лифта имела овальное сечение. Рабчинский с любопытством пошутил на легкий металлический каркас и боек, загнутые стальной сеткой.

Вершини нажал одну из кнопок. Кабина, быстро набирая скорость, промчалась сквозь круглую комнату с окнами, похожими на корабельные иллюминаторы. Гвоздаков схватил Вершинина за руку; у него едва не подкосились ноги. Казалось, кабинка сейчас вылетит по инерции из локости махты, словно снаряд из гигантского зенитного орудия. Но вот лифт замедля стремительный подъем, и тело арду, будто в полете, стало почти несомым. Остановившись в круглой комнате, похожей на ту, что уже промелькнула мгновением раньше.

— Мы в верхнем генераторном зале,— сказал Вершини, пропуская вперед себя гостей.

Невеская кабинка, покоящая на внутренности скляно сплюснутую шара, была совершенно пуста.

— А где же... генератор? — с трудом выговорил Гвоздаков и потрогал гладкую, скользко вогнутую стену.

— Он у нас под ногами,— ответил инженер и поднял дюралевую крышку одного из люков в полу.

Из-под широкого кольца вылезли крупные ролики, покрытые густой, янтарного цвета смазкой. На колесе лежало второе, немного меньшего диаметра, набранное из клавишных пластин красной меди.

— Радиально-упорный ролик-подшипник,— пояснил Вершини. Диаметр — больше двух метров. Вместе с подшипником смонтирован и генератор постоянного тока. Вот это — коллектор генератора. Якорь и коллектор неподвижны, а электромагниты вращаются с ветроколесом.

— Также ваше изобретение? — спросил Рабчинский.

Нет, что вы. Если разобьются, то во всех этих великанах только и есть моего — принцип го-

ризонтального крылатого ветроколеса. А в целом — заслуга коллектива. Здесь десятки изобретений и усовершенствований. Даже академика Виктора не отстала в стороне: подвеса ветроколеса на трюках в пролетах между махтами — его предложение. Наша Таяна Голыжко, и та уже во время монтажа поддала мысль, из-за которой нам пришлось слать в перепапку почти полтора тысячи тонн металлоконструкций.

— И большие эти убытки принцип строительства? — спросил Рабчинский.

— Какие же убытки? — удивился Вершини. — Наоборот! Сложные фермы, создающие большое сопротивление вращению в воздухе, удалось заменить тросами, ваткутами, как спицы в велосипедном колесе. Таяна так и сделала: на технический совет строительства пришла с велосипедным колесом.

— Очень интересно, — улыбнулся Рабчинский. — Но сколько же стоили выброшенные металлоконструкции?

— Около двух миллионов рублей! Просто замечательно получилось! Ведь в дальнейшем будет гораздо дешевле.

— Георгий Петрович! — прервал Рабчинский. — Меня несколько удивляет ваш бойкий тон. Неужели вас радует ущерб в два миллиона, нанесенный Советскому государству? Странно.

— Да какой же ущерб? — уже с досадой воскликнул Вершини. — Ведь если машина совершенствуется в процессе постройки или эксплуатации, то ее части, заменяемые лучшими, выбрасывают, хотя они и стоят денег. Вон в портах недавно заменили на мощных краяхых тросах грузовые стержни. Так что же, и там нужно выбрасывать подшивать? А с самолетами? Очень часто в процессе постройки...

— Примеры ваши меня не убеждают, — возразил Рабчинский. — Меня удивляет, что какая-то девушка смогла существенно изменить конструкцию, которую создавали опытные инженеры... Простите меня, но подобные дела, когда

по форме — все благополучно, а по существу — миллионный ущерб государству.

— Так покажите нам вашу знаменитую монтажную! — поспешно попросил Гвоздаков, явно желая переменить тему разговора. Вершини открыл дверь, потянул, как и стена круглой комнаты, Гвоздаков и Рабчинский вышли за ним на узенький балкончик, кольцом обгивавший генераторную.

Рабчинский, сжавшись за тонкие стержни перил, на мгновение закружился, чтобы побороть отвратительное чувство головокружения. Оттуда доносился высокий дельный голос:

— Георгий Петрович! К нам добираетесь, ждем вас!

Рабчинский открыл глаза. Далеко внизу, словно бегущий черный жук, по узенькой тропинке быстро катил по дороге автомобиля. Немного ниже балкончика на трубчатом ободе гигантского колеса стояла девушка, поджав кверху привелюто улыбающееся смуглое лицо. Под ободом, между двумя вертикальными крыльями, пятеро рабочих покатывались в длинной подвешенной тележке, предназначенной, как соорудил Рабчинский, специально для монтажа. Они собирали концые жидким на двух длинных пружинах.

Вершини помахал рабочей рукой и, перешагнув через перила, пошел над бездной по толстому тросу, придерживаясь обеими руками за натянную выше проволоку толстой или больше извистия.

Гвоздаков напряженно следил за опасным путешествием Вершини. Георгий Петрович уверенно и легко добрался до обода ветроколеса и спустился вместе с Таяной Голыжко в монтажную тележку.

— Как вы не ботаете? — крикнула Гвоздаков. — Глядя на вас, и то сердце замирает!

— Вызвало очень странно было, — признался Вершини, а потом прямо. Монтажные пружины.

— Эти пружины — шиторные компенсаторы? — спросил немного обравившийся Рабчинский.

— Точно так, товарищ профессор! — авоико отвела Таяна, услышав уже узнав у Вершини, кто этот, как она выразилась, «спродуговатый» гражданин.

— Еще два компенсатора установим, и можно будет устроить пробу, — сообщила инженер. — Так что вылезте здесь подождать, теперь совсем недолго.

Рабчинский повернул лицо к юго-востоку. Ветер был совсем слаб, не больше двух метров в секунду. «Такая громадина, да еще с необкатанным механизмом, и с места не стонуть!», — подумал профессор.

Минут через двадцать монтажные перешли по тросу на балкончик. Таяна Голыжко поднялась в лифте еще выше. Тут же сверху выдвинулась легкая грузовая стрела вспомогательного крана и сама зацепила кран изогнутым крюком широкую сергу над монтажной тележкой. Оперные ролики тележки оторвались от трубчатого обода ветроколеса, и она, чуть покачиваясь, быстро поплыла вниз, в пролет между стальными тросами-радиусами.

Операция спуска монтажной тележки отняла не больше пяти минут. Появившись снова на круглом балкончике, Таяна доложила Вершинину:

— Установка готова к пуску, Георгий Петрович! Подшипники крыльев проверены.

— На обоих роторах? — На обоих, Георгий Петрович. Вершини, забыв о Рабчинском и Гвоздакове, нервно закрутил, обошел вокруг генераторной по балкончику и, войдя в помещение, сообщил по телефону вниз о готовности.

Гигантские эластичные крылья ветроколеса напоминали в форме своей и положением в полете крылья самолета, замершего в сложной фигуре высшего пилотажа. Легкий ветер уперло и плавно изгибал их кромки, делая всю поверхность выпуклой.

— Аэродинамическая форма удачная, — небрежно промолвил профессор Рабчинский, промывая

на ближайшее крыло.— Но при сегодняшней погоде арктический момент недостаточен. С места такое сооружение не слвнится: отечь уж громадная система.

Визу сообщили, что установка полностью расположена. И спрашивали Вершинина, как быть. Он вышел на балконе хмурый, прикусив губу, и глядя на безоблачную горизонт.

— Не выдержав молчания, Таня Голово сказала с острой тоской: — Хоть бы один ветер покружил... Совсем слаб ветер.

Да,— усмехнулся Рабчинский,— для этой машины добрый шквал нужен. Вот вы, девушка, я слышал, изобретаете. Так авестите предложение — для раскрутки двигателя устанавливается вспомогательный дизель-мотор тысячи на две лошадиных силы. Тогда никакое затмение не страшно!

Таня посмотрела в намершение пригрозенные глаза профессора, тригунка гололой и молча пошла к двери генераторной.

Рабчинский пожал плечами и вдруг почувствовал новый приступ головокружения. Откачался. Минна фигура попыла в бок на фоне неподвижного голубоватого крыла.

Паренек в серой кепке, надетой козырьком назад, первым восторженно закричал:

— Дамушки! Идем!

И Рабчинский сообразил, что приняв голубокружения на этот раз, было дважиде, правда, по замершей Тане. Плавно набрав скорость, одно за другим пробежал все шесть крыльев. Начался второй оборот ветроколеса. Каждое крыло, двигаясь, все время становилось к ветру под наиболее выгодным углом атаки.

— Не в силах сдержат восторг, Таня захлопала в ладоши, затем подошла к Вершинину и знонко показвала его и обе щеки.

Гвоздаков, усмехнувшись, подумал: «Да здесь, видно, и монтаж и сердечный роман одновременно. Ты был очень озадачен, когда Вершининна тут же, на балконишке, перечедала поочередно всю бригаду.

— Теперь визит!— приказал Вершинин.— Попробуем дать нагрузку генератору.

На круглом мостике оставшая дежурить одного монтажника. Все остальные двумя партиями спустились в лифте. Во время стремительного спуска Гвоздаков, стараясь держаться бодро и невозмутно, настойчиво пытался встретиться взглядом с Таней. Девушка сначала выдалась оторванная, но потом ее выдала улыбка и показала орогоренному ассистенту Рабчинского кончик языка.

Визит, на бетонной площадке, обрешинная обшил молодойлаый, крепко сложенный человек в комбинезоне. Усталые серые глаза его в сетке тонких морщинок всплаивали искорками едва сдерживаемой радости.

— Самый бесконный человек на строительстве,— представил Вершинин парторга.

— Чернов,— коротко и отчетливо назвал себя парторг и, окидывая гостей быстрым взглядом, озабоченно сказал: — Напряжение на ште 80 вольт. Две трети нормы... Но ведь это без нагрузки. Как пойдешь, Георгий Иванович, попробуем включить трехконтакту?

— Попробуем,— решительно ответил Вершинин.— Должна подать воду... Обязательно должна быть опор ветригательная собранная мною. Вершинина, Таню и

взглядом смущившихся молодых монтажников встретил аллодисеманти.

Вершинин быстрыми шагами направился к белому домику, одиноко стоящему на гряде. Обернувшись на несколько шагов, Чернов остановился у открытой двери и спросил:

— Значит, пускаем? Вершинин утвердительно кивнул и побежал вдоль толстой трубы к началу канала, который прямой линией пересекал степь. Народ хлынул вслед.

— Да, конечно жежала Таня и громко кричала:

— Пойдет, пойдет вода! Земляные откосы хукоу русла канала были унесены людьми. Вершинин стоял у широкого темного зева трубы, высунув над глазами бетоном направляющего желоба. Из отверстия трубы доносилось глухое гудение. Это работала мощная центробежная насос.

Рабчинский и Гвоздаков, взрядно запыхавшись, пробежали за Таней к Вершинину. Поглядев на громаду ветроагрегата, они сели на скамейку у ступеней входа. Рабчинский с сомнением заметил:

— Слабоват ветер. А разность уровней — метров пятнадцать! Пойдет ли вода на двадцать километров?

— Совсно подтверждать его сомнение, шум в трубе стал глуше. Прислушавшись, Гвоздаков вологоса сказал профессору:

— Не мкивать Вершинину беда.

Вдур раздался низкий рокот, и на желоб из трубы с шипением и плеском устремились вспененные потоки воды. Воды по неселься по каналу, догнав везвзвхивших от восторга мальчишек.

— Поздравляю с удачей, Георгий Петрович!— громко сказал Рабчинский.— Хоть какого же результата можно было достигнуть и с меньшими затратами.

— Вы правы,— просто ответил Вершинин.— Результат пока не велик.

— Но через две недели будет работать все линия,— вырвалось у Тани Голово. Сказав это, девушка к смущению отступила.

Молодой техник в легком спортивном костюме торопливо подошел к Вершинину и доложил:

— Все механизмы в порядке. Георгий Петрович. Можно оставлять номер первый?

Парторг удивленно перебрал:

— Ты погоди, Андрей! Остановившись для чего?

— Но ведь это пробный. И все в полном порядке. — А в порядке, так пусть и работает,— посоветовал Чернов. — Ты только на делай погляд, как она жидо воду пьет. Ведь сколько лет жаждой томилась! А тут пришла вот такая бесполовая комсомолка,— показал он на Таню, округившему монтажника,— и переворот устроила. Значит, хорошо работают механизмы, Андрей?

— Отлично работают!— ответил техник и перебрался с Таней.— А торжественный пуск я вправду можно будет устроить отдельно, сразу всю линию запустить.

— Правильно, Андрей,— подтвердил Вершинин.— Только нужно позвонить колхозникам в Сухой Дол, что вода к ним пошла. Придетс им теперь свой район в Зеленой Доле переименовать...

3. СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ

По светлему коридору с широкими окнами дежурный провондал поздних посетителей к одной из

дверей. Перед тем, как войти в комнату, Рабчинский поправил галстук и одернул пиджак. Гвоздаков, пропустив его вперед, пригладил волосы и кашпнулся.

Из кресла в диспансерном столом привстал невысокий, светлоглазый человек с погонами майора и указал посетителям на стоявший перед ним диспансерный кабинет.

— Решая снова навестить вас, товарищ Перегудов.

— Я все слушаю, профессор. С материалом, который вы мне прислали, я ознакомился довольно много. Там много ценных сведений.

Рабчинский в грустном недоумении пожал плечами и тихо заговорил:

— Вся эта история меня очень смущает. Вершинин,— бесспорно, одаренный молодой специалист. Вместе с ним работали опытные специалисты Челомей, Ивченко, парторга, И, несмотря на это, столько фактов, вносящих бесположность... Ну, предположим, что передача на сам новых металлоконструкций выполнена с точностью — действительно результат разумного усовершенствования установок, хотя это вопрос спорный.

— Почему же спорный? — спросил Перегудов.

— А потому,— ответил Рабчинский,— что ветроустановки отчетливо бы работали и с прежними радиальными системами в виде ферм, а не отрезков трубы. Но Вершинин обосновывает столь убочное мнение тем, что это типовая конструкция, которая должна быть выполнена на совершенной. Довольно дорогой каприз, сказал бы я.

— А в отношении использования мощности,— напомнил Гвоздаков,— тоже весьма странная история.

— Да, да!— вспомнил Рабчинский.— Мощность линии установок была рассчитана на сто тысяч киловатт. Этого, конечно, с избытком хватало бы для орошения всего района. Но испытания показали, что линия фактически дает свыше шестист тысяч киловатт. Шестист тысяч!

— Вот и хорошо!— воскликнул Перегудов.— Побольше бы таких, с позволения сказать, «шибко», тогда и механизфикация...

— Посмотрим глубже,— мягко вставил Рабчинский.— Вершинин уложился в строительную смету, потому что фундаментальному документу нет. Но любому специалисту ясно: запроектована установка, мощность которой на самом деле выше проектной в шесть раз. Это значит, что фундаментальному проекту тысяч киловатт было затрачено не сорок миллионов, а около семидесяти. Как видите, Вершинин вышло из несолово принятой государственной сметы в тридцать и даже больше. По сравнению с этим убыток с металлоконструкциями — мелочь.

— Но почему же капитально выписаны на листе бумаги цифру 40.

— Район только заселяется,— продолжал Рабчинский,— куда же выписывать лишние тридцать миллионов киловатт мощности — весьма шумительная цифра, а кроме насосных станций потребителя не знает. Значит, с этойкой мощностью район уже не орошение, а наводнение устраивать!

— Интересно,— задумчиво пророня Перегудов. — Скажите, пожалуйста,— возразил Рабчинский.— И Вершинин сумел увлечь своими идеями академика

Викторова. Козыри у него были. По сравнению с ветроагрегатами ТРР-10 коэффициент полезного действия в установках Вершинина выше, а стоимость одного киловатта энергии ниже.

— Кажется, в четыре раза,— вскользь пророня Перегудов.

— Да, если верить расчетам,— поспешил добавить Вершининский,— что-то около этого.

— А фактически? — Думая, что расчеты Вершинина вообще страдают излишней оптимизмом, Зинин продолжал абсолютно не нужное, следовательно, будет проस्ताить шестидесять тысяч киловатт мощности. А весной понаблюдает ремонт адвастических крыльев двигателей. Вот тогда мы и определим, во что все это обойдется государству!

— И сравним с установками ТРР-10,— вставил Гвоздаков.

Перегудов бросил на него взгляд и спросил:

— Это те самые ТРР-10, за которые профессор Рабчинский получал премиальный диплом в академическом институте?

— Совершенно верно,— подтвердил Гвоздаков.— Этой работой профессор Рабчинский прославил советскую инженерию. Ветеринария кое-что замаскировал из его конструкции.

— Слыхал. Помнится, был еще спор о том, кто является автором проекта. Зинин, правда, и инженер Фалеен. Видно, пока наши выписали, американские делу сумели заимствовать чужую конструкцию.

— Так уж случилось,— с грустным вздохом пророня Рабчинский.— А Фалеен — вообще странный человек. Чуть ли не в плагиате задумал меня тогда обвинить. И мы с тогдашним министром предъявить ему контробвинение, но у меня на подобные дела несколько иные взгляды. Затем Зинин,— значительно сказал Перегудов,— вы другому, своему же молодому инженеру предъявляете значительно более серьезное обвинение. Ведь если на самом деле действительно вы обвиняете Вершинина во вредительстве.

Рабчинский вперевид, затем снова сел и, выгнув вперед спину, словно отталкивая от него невидимое, сказал негодующе:

— Ничего подобного! Я не делал никаких выводов. Мы просто сообщаем вам факты и больше ничем. Каждый сам по моему месту поступил бы так же.

— За объективные факты я еще раз благодарю вас,— проронял, Зинин.— Перегудов, вы действительно, понаблюдаете, то я снова обраться к вашей помощи. Судя по всему, дело не шуточное.

Проводив посетителей, майор прошлся по кабинету, затем позвонил по внутреннему телефону и коротко доложил:

— Дело номер четырнадцать выписаны товарищ полковник. Опечатать документы и представить сушественные дополнения. Да, сейчас же.

Заглянув в телефонный справочник, Перегудов набрал номер по городскому телефону и строго спросил:

— Товарищ Вершинин? Извините, что беспокою. Через пятнадцать минут у васного доклада будет вас ждать машина № 36-84. Необходимо выписать несколько вопросов. Да, по строительству. Проект? Не нужно, но сейчас есть копия.

(Продолжение следует)

ДРЕЙФУЮЩИЙ ГОРОД

Со влетной площадки дрейфующей станции «Северный полюс-4» поднялся самолет. Он развернулся над лагерем, и, мягко поначиная крыльями в сторону, затхнутой облаками неба, взял курс на Большую землю.

Был апрель. Полное лето медленно, но неуловимо вступало в свои права. Таящие льдины незаметно одна за другую, образуя торсы. Исчирящая на солнце снег слепила глаза. Самолет, ровно гуля моторами, то ныряя в облаках, то сплывая над самым льдом. Под его крыльями простирался Северный Ледовитый океан — бескрайняя белая поля, перерезанная длинными, узкими щелями разрывов, в некоторых чернела вода. Ничто, казалось, не могло нарушить это однообразие.

Но вдруг штурман воздушного корабля Борис Иванович Иванов увидел поразительную картину: винт, приподняв над самолетом, появился город с домами, башнями, куполами, крепостными стенами. Сначала Иванов решил, что все это ему только кажется. Откуда здесь в местах, которые еще совсем недавно считались «Полюсом недоступности» и «Полюсом безземельности», мог появиться город? Но и командир корабля Виталий Иванович Масленников и бортовой инженер Зав Владимирovich Косухин тоже заметили странный город.

После обсуждения они решили спуститься понизе и, если будет возможность, сесть на льдину. Перед глазами людей все постепенно вырисовывались очертания зданий и сооружений. На льдине стоял город. В поисках посадочной площадки самолет прошел совсем недалеко над ним. Но, как это часто бывает в Арктике, неожиданно поднялся пурга, погода стала быстро портиться. Надо было скорее улететь.

Штурман Иванов едва успел заскиснуть на плечу это фантастическое зрелище.

Прилетев на Большую землю, Масленников показал сделанные Ивановым фотографии. Снимки долго ходили по рукам, и некоторые из полярников высказали предположение, что на них запечатлена лагерь научно-исследовательской станции «Северный полюс-2», дрейфующий в тех местах в 1950 — 1951 годах.

До сих пор считалось, что льды, дрейфующие в Северном Ледовитом океане, выносятся течениями в Гренландское море. Как же могло случиться, что эта льдина оказалась почти в том же месте, где она была три года назад? Если же это действительно так, то советскими людьми сделано новое, очень важное и интересное научное открытие.

Чтобы разрешить сомнения, ученые расширили начальную станцию «СП-2» Михаила Михайловича Сомова. Внимательно вглядываясь в ледяной синион, Сомов вспоминал события, происшедшие на дрейфующей станции «СП-2» 17 февраля 1951 года.

«Стала глубокая поларная ночь. По местному времени было три часа ночи. Ледяной спал. Отчаянно завывавший ветер бил в двери, внезапно трепал стеной палаток. Внезапно все было разбужено оглушительным треском. На лагерь наскочила дрейфующая ледяная глыба. Ломая лед, поднимая под себя палатки, строения, она страшная лавиной шла на лагерь. Этот огромный ледяной вал остановился так неожиданно, как остановился и так, и счастью, в разрушенных помещениях не было людей, и все обложилось без человеческих жертв. Но

льдина, на которой находились лагерь, во многих местах треснула, оставаясь на ней было опасно.

В исключительно тяжелых условиях — на морозе, в непроглядной темноте, под неистощим, изломанным ветром — отчаянные полярники соорудили ледяной мост и по нему перепорались на другую льдину, захватив с собой продовольствие и оборудование. Через сутки станция вновь приступила к научной работе.

И вот сейчас Сомов держал в руках фотографии льдины, понинутую его экспедицией в ту тревожную ночь.

Спустил некоторое время специальный самолет вылетел в район, где было обнаружено бывший лагерь «СП-2». На борту воздушного корабля находились Сомов и

Самолет сделал посадку на станции «Северный полюс-4» и ушел туда в сопровождении вертолета, на котором находилась группа геологов, отправившись на поиски «северных» (как же теперь называли льдины). Погода была ясная, и дрейфующий город наши без особого труда. Но посадочную площадку полярники найти не удалось. Пришлось сесть в стороне, в 25 километрах. Сомов и несколько геологов-спутников на льдину на вертолете.

В лагерь «СП-2» почти все было без перемен. Только палатки от солнца и снега выцветли и стали совершенно белыми, и стояли они не на своей льдине, как раньше, а возвышались над нею на двухметровых ледяных столбах. Именно эти столбы и придавали лагерю необычный, сказочный вид.

Л. ГОРХОВСКАЯ

Александр НИКОЛАЕВ

РОМАНТИК

Я, должно быть, романтик немного. И, признаться, порою мне жалко, что кого-то другого дорога Увлекает в манящую даль.

Я мечтаю, но ради забавы, совершить многодневный поход с китобойной флотилией «Слава» В дальний край самых низких широт.

Иногда я о том беспокоюсь, что идут без меня поезда, что, пожалуй, на Северный полюс Не смогу я попасть никогда.

Приглядись-ка внимательно глазам. Разве в этом романтизм нет:

Варят в кухне с саратовским газом На дрейфующей льдине обед!

А на фронте, еще в Сталинграде, В самый страшный период войны Я мечтаю

на ракетном снаряде Среди первых достигнуть Луны.

Знать, за малым пока остановка: Ракетное лететь на Луну. Но зато с комсомольской пулавкой Еду я поднимать целину!

В 1934 году драматургом Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева поставил пьесу К. Тренева «Любовь Дроздова». С этого спектакля и началась сценическая жизнь студенческого театрального коллектива, от метившая недалеко своей двадцатилетней юбилей. За это время коллектив поставил около пяти пьес. На клубной сцене были сыграны «Последняя жертва» А. Островского, «Тучи» Юрия Д. Гоу, «Раба» В. Лавренева и многие другие пьесы.

Организатором театра, его художественным руководителем и постановщиком пьес студенческого коллектива является Лидия Фелоровна Дугина. Она сумела привлечь и участие в театральном коллективе немало способных студентов. Сейчас здесь занимается самодельный коллектив. Робно и нетвердо выступали прежде вышедшие «евалюэты» артисты А. Корищенко, Ю. Грамматикати и другие. Мастерство пущенного студента — это работа над образами, воплощение переживаний, первый успех — все это помогло студентам постоянно увеличивать состав.

Театральный коллектив студентам неоднократно участвовал в городских и всесоюзных конкурсах художественной самодеятельности, не раз завоевывал первые места и почетные грамоты.

Хорошо знает постановки театрального коллектива интеллигент Бауманского района Москвы, который во время пребывания в лагере занимался самодеятельностью и спонсировал. В прошлом году коллектив выступил в подшефной колхозе Вологодского района, Московской области.

Многие студенты артисты уже давно окончили институт. Но они не порывают связи с театральным коллективом, потому что любят искусство. Старший инженер «Атомостроительства» И. Дугинкин состоит в театральном коллективе уже двенадцать лет. Почти столько же играет на сцене институтского клуба инженер В. Паранин. В. Фалалеев, Г. Гининевский с успехом исполняют главные роли в таких спектаклях, как «Без вины виноватые», «Ваня Илья», «Иди Ваня».

Студенческий театр не только воспитывает артистов-любителей, но и подготавливает режиссеров-организаторов, которые смогут руководить самодеятельными коллективами. Бывший артист студенческого театра инженер В. Ефредин организовал драмкружок на рабочем городе Находка Приморского края пиндела местная газета «Стальские новости». В нем была напечатана рецензия на спектакль.

«На той стороне» А. Варинова, поставленный кружком, отличился своей самодеятельностью, которую руководил бывший студент инженерно-строительного института Лидия Николаевна Нильковская.

Так театральный коллектив осуществляет большое, важное дело — прививает любовь и искусство, помогает воспитывать нашу молодежь.

Г. ЗАЙДМАН

**«СВОЯ СВОИХ
НЕ ПОЗНАША...»**

Зимой ордены, в утро раннее,
Взглянула на себя сподвижница,
На стадион, на состязание
Являлся неный секретарь.

И там, спортсменом озабоченный,
Который прися возмездь воз-кот,
Подуवाल секретарь изворонный:
«Такого бы — на наш завод!»

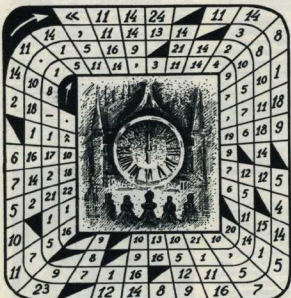
— К нам на завод посылай. В слове я
Своим силен, его сдержу:
Тебе, дружок, создам условия,
Заботой немной окружу.

— Как тронуть в твоей забобой!
Но разреши сказать в ответ,
Что на заводе я работаю
Без жалого... а вышло лет

В. ГРАНОВ, Мих. ПУСТЫНН

КРИПТОГРАММА

Составил С. Егоров.

Найдите слова, значение которых указано ниже, и разнесите составляющие их буквы в клетках криптограммы соответственно номерам. Если слова будут найдены правильно, то в криптограмме вы прочтете строки одного стихотворения.

1, 3, 2, 21, 14, 8, 9, 17, 14 — здравый пост.
2, 7, 1, 16, 1, 22, 21, 14, 24, 24, 14 — вид нового года поздравления.
3, 2, 10, 5, 7, 9, 19, 1, 11, 9, 1 — положительный результат работы.
4, 5, 4, 14, 5, 7, 9, 1 — состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни.
5, 20, 10, 21, 10, 13, 10 — поэма В. Маяковского.
6, 11, 14, 15, 1, 16, 6, 5, 9, 11 — крупный азиатский плод.
7, 11, 21, 18, 1, 5, 7, 21 — группа музиковантов.
8, 2, 23, 13, 1, 5 — сорт грибов.
9, 12, 11, 8, 14, 21, 6 — месяц календарного года.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

ЗАДАЧИ

№ 1

Мат в два хода (2 балла).

№ 2

Велые — Крб6, Фб7, Лб8, Лб3, С11, Сб5, Кд2, Кб7 (8).
Черные — Крб4, Фб2, Лб3, Сб3, Кд3, Кб5, пп. 44, 45, е5 (9).

Мат в два хода (3 балла).

№ 3

Велые — Крб6, Фб7, Лб5, Кб7, Кб3, пп. 42, е2 (7).
Черные — Крб4, Фб2, Сб2, пп. 45, 46, е5, б7 (7).

Мат в два хода (3 балла).

Мат в три хода (3 балла).

№ 5

Велые — Крб8, Фс1, Лб3, Кс7 (4).
Черные — Крб4, КВ, п. 16 (3).
Мат в три хода (4 балла).

№ 6

Велые — Крб2, Фб6, Лд1, Лс2, Са1, Кб6, К17, пп. а3, с3, д2, 45, д2 (12).
Черные — Крб5, Кб7, Сб5, пп. а1, с4, Л4, е7 (7).
Мат в три хода (5 балла).

Продолжение олимпиады смотрите в № 3 журнала.

РАЗДЕЛ I. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ

Шахматная задача — это искусственно созданная позиция, в которой одна из сторон начинает и дает мат в определенное количество ходов.

Задание, указанное в условии задачи, выполняют обычно белые. Черные являются защищающей стороной. Первый ход всегда за белыми; нам, правда, он должен быть «тихим», т. е. сделанным без объявления шаха или взятия черной фигуры. Притом белые первыми ходом не должны сделать черного королем пленя, свободных для отступления. Даже при самой изобретательной защите черные белые должны дать мат в обусловленное число ходов.

Решение хороших задач доставляет любителям шахмат подлинно эстетическое удовольствие, так как решение обычно связано с тонким, завуалированным изобретательным ходом, эфемерной комбинацией. Решение задач очень полезно шахматисту и для тренировки.

Начинающему любителю шахмат нужно запомнить, что в задачах, как и в других шахматных позициях, напечатанных на диаграмме, лагерь белых фигур расположен внизу, а лагерь черных — в верхней части доски.

Решения задач следует давать в полной шахматной нотации, с указанием всех возможных вариантов.

Главный редактор **М. А. Вельичко.**

Оформление номера **В. Урина**
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Тираж 250 000 экз. Изд. № 70.

СВИДАНИЕ СОСТОЯЛОСЬ..

Нюшутта Е. Гурова.

Редакция: **В. Азиев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кокушкин, М. Лукин.**

Технический редактор **О. Шолова.**

Адрес: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-34-34. А 00201. Подписано в печати 4/1 1955 г. Заказ № 3762. Формат бумаги 70 х 108мм. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В ДАЛЕКИХ СТЕПЯХ...

Живой и горячей отклик в сердцах всех советских людей нашел призыв Коммунистической партии — увеличить производство зерна в стране за счет освоения целинных и залежных земель. Тысячи молодых патриотов по путевкам комсомола отправились в Казахстан, Сибирь, на Урал, в Поволжье.

Этой большой и важной теме посвящена серия рисунков М. Ткачева, демонстрировавшаяся на выставке произведений художников РСФСР 1964 года. Скромные, не претендующие на эффективность зарисовки говорят об умении художника наблюдать, о его пристальном внимании к духовному миру людей.

Вот рисунок «Приехали». Большое путешествие пришлось совершить этим юношам и девушкам. Путь их был не легким: сначала в поезде, потом в автомашине, потом на санях-волокушах за трактором.

Радушно встречают местные жители патриотов. Молодая колхозница в белой короткой шубке уже нашла среди приехавших себе попутру. Между ними завязался оживленный разговор.

В снегу валяется чемодан. Хозяину не до него. Парень ухватился за конец брезента, прикрывающей сани. Брезент вздулся, словно парус, того и гляди, ветер вырвет его из рук. Чувствуется, что кругом бескрайняя, вольная степь.

Другой рисунок называется «Последний заезд». Поздние вечерние сумерки. Слабо мерцает в вышине серп месяца. Чернеет вспаханная земля. Только узенькая полоска осталась нетронутой. Но все ближе свет от зажженных фар. Еще несколько минут, и трактор, волоча за собой стальные плуги, пройдет и по этой полоске.

А рядом стоит девушка-учетчица. Немало пришлось ей сегодня пройти по полям. И не раз поглядывала она в ту сторону, где работал знакомый тракторист. Девушка знает: он хорошо потрудился, надо его поздравить с успехами. Вот и букет в руках. Это всего лишь несколько скромных степных цветов.

...На лужке около палатки собралась молодежь. («Песня»). Звезд и гармонист. Хорошо после работы послушать музыку. Кто-то запевает песню. И вот отложено в сторону шитье, книга. Задумчиво смотрит вдаль девушка, положив на колени натруженные за день руки. Песня несется все дальше и дальше. Она рассказывает о беспокойных сердцах, о мужественном друге, о счастье в борьбе с верной любимой.

Новой жизнью зажиги далекие степи. Строят эту жизнь, смелые, настоящие люди.

«Приехали»

«Последний заезд»

«Песня»

Цена номера
2 руб.

